

EXIT

Автор благодарит **Ольгу Аникину и не понимает (www.anikina.com)**
*бесмысленный плагиат множества её рисунков оформителем
компьютерного коллажа для первого издания*

в издательстве «Мика» в Иерусалиме

Автор выражает благодарность

доктору Кириллу Асланову за помощь

Право на переиздание

книги «На закате Эпохи» — «En el atardecer de la época»

сохранено за автором.

Макет книги набран автором, корректура Артёма Милохова.

Александр Кирияцкий

Alejandro Kiriyaťskiy

На закате эпохи
En el atardecer de la época

Издательство:

Editorial:

«На закате эпохи» — книга, состоящая из стихов, посвящённых закату второго тысячелетия при переосмыслении глобальных событий на закате доисторических, неисследованных периодов, последних лет Римской республики, в агонии язычества, в сумерках цивилизаций античности, вечера средневековья, гибели Византии, крушения человеческих ценностей эпохи Возрождения, из чего я выделяю отдельные точки краха надежд гуманистов конца XIX века. Они ещё верили в цивилизованное развитие человеческого общества, которое превращалось в следующем столетии в движение безликих масс. Народы, из-за противоречий и неприязней друг к другу, как верно, так и ложно, внедрили наследие Китая, буддизма, иудаизма, христианства, ислама, как частицы наивысшего, чтобы слиться с любыми идеями и устремлениями к общему идеалу — для каждого, ими всеми только воспринимаемого по-разному. Жажда добиться культа только своего понимания идеала, во что бы то ни стало, недоступно человечеству и оно превращается в инквизицию, в консерватизм, в революции, в губителей новаторов, в металл-группы и так далее, пробуждается интерес к реинкарнации и другим мирам. Собственные мысли с гипотезами о росте души до рождения и после смерти с самого начала я решил записывать в стихотворной форме при самокопании и развитии воображения; может быть, я ошибся в идеалистических предположениях. Но творчество, в особенности поэтическое, свободно от какой-либо принятой реальности.

Александр КИРИЯЦКИЙ

«На закате эпохи» молодого поэта Александра Кирияцкого — книга составная: первая часть состоит из поэм Кирияцкого оригинальных в том, что поэт передал приём достаточно свободный; вторая часть — его поэзия на испанском.

По своей собственной структуре эта антология освещает выразительное начало «Письма Пизонам» Горация и повторяемое французским поэтом Жоахимом дю Беллеем в его «Защите и освещении французского языка» (I, 7). Побуждая поэтов Рима создавать поэзию достойную её греческих моделей, Флакк сказал:

*Вы, как пример, внимательно читайте греков,
и ночами держите в руках их, держите и днями.* (268-269)

В первой части данной антологии видится за переводом латинских строф стимул для создания собственных произведений. В этом смысле «На закате эпохи» не антология, как другие. Лучше сказано: лаборатория поэтического творчества, где проявляется неразрывность между переводом, творимой имитацией и творением. Кирияцкий доказывает с большой отвагой свою способность воспроизводить ритмический материал стиха, иногда не беря в счёт содержание. Мне кажется спасительной реакция на новую тенденцию, которая состоит в убийстве эстетической мерки стиха в пользу затёртой парафразы «идей». В этом Кирияцкий проявляет себя как достойный представитель формалистической русской школы, что дала столько подтверждений правильности своего метода, на сколько в поле критической литературы, на столько и перевода. Думается, в особенности о личностях, как Жирмунский или более современный Эфим Эткинд, автор эссе «Перевод: искусство в кризисе», опубликованное в 1982 году издательством «L'âge d'homme» (Л'яж д'ом).

Кстати, про этот вкус для звуковой материализации поэмы, можно отметить усилия, чтобы заставить появиться типографически могучим долгим слогам латинского стиха. Явно латинская поэзия не представляет для Кирияцкого поле схоластического только изучения, но живой опыт, волну первоначальную, которая после передаётся его собственным творениям.

Доктор Кирилл АСЛАНОВ

Еврейский Университет в Иерусалиме

21 августа 1999 года

ПРИЗВАНИЕ

Гощу, гостит во всех мирах высокая болезнь

(Пастернак)

Трудно дать название короткому отклику на книгу Александра Кирияцкого «На закате эпохи». Поневоле — короткому, потому что уходить в глубины этой книги нельзя: потянет на целую монографию, посильную лишь для такого культурно-языкового многообразия, каким располагает этот едва достигший тридцатилетия человек. Кто он по преимуществу? Лингвист, знаток группы романских языков, старых и современных? Да. Но этим не исчерпывается и малая доля того, что содержит в себе эта книга. Во всей своей полноте эта книга, конечно же, не для так называемого «широкого читателя». Более того: многие её страницы недоступны и для человека хорошо образованного и много читающего, если он не коллега автора в области всей (подчёркиваю — всей) романской филологии. По магистерскому диплому автор — специалист в сфере французского языка и литературы различных эпох. В действительности же вы встретите в книге комментированные автором переводы с испанского, итальянского, французского — словом, почти со всех языков, имеющих своим благородным предком и / или собратом латынь, литературную и разговорную. У прекрасного поэта и переводчика Семёна Липкина есть такие строки: «Отшумел, отгремел Капитолий // И не стало победных святынь. // Только ветер днепровских раздолий // Ломовую гоняет латынь». Я вспомнила эти строки Липкина (цитирую по памяти) потому, что в книге А. Кирияцкого тоже звучат не трубноторжественные и скучнейше приглаженные переводы на русский язык античных и средневековых стихов «высокого штиля», а живая, дерзкая, озорная речь, которую Сю Липкин назвал «ломовой латынью», что не исключает ни философской глубины, ни элегичности и серьёзности ряда текстов. Переводы А. Кирияцкого — это переводы поэтов поэтом, сохраняющие неподдельную свежесть и оригинала, и его переложения на язык русской поэзии. Их поэтическое качество столь очевидно, что, не имея понятия об оригинале, воспринимаешь перевод как первичную художественную ценность. Книга для романоязычных специалистов превращается в книгу для обширного круга не стиховедов, а стихолюбив. О том, что А. Кирияцкий — поэт, свидетельствуют и его собственные стихи и эссе. Они, не теряя своеобразия, то напоминают своей вольной манерой прекрасную и загадочную «неуклюжесть» Заболоцкого, то становятся лаконичными и отточенными, как японская танка, то обретают «тяжёло-звонкую» мощь столь им любимого и так им глубинно изученного античного стиха. У

Кирияцкого — поэта и эссеиста есть вещи, на мой читательский вкус, не вполне удавшиеся ему, но есть и по-настоящему потрясающие. Вместе с тем он стоит перед серьёзной опасностью, одолевшей немалое число талантов. Если он не привяжет себя к земле прочными узами науки, то искусство, попросту говоря, его не прокормит, как не прокормило оно, к примеру, баснословно дорогостоящего сегодня Ван Гога. Художники редко умеют сочетать то, что кормит, с тем, что уносит в заоблачные выси. Если у человека искусства нет хоть плохонького родового поместья, он не должен пренебрегать наукой, отлично ему дающейся и способной предоставить ему хлеб, кров и время для творчества. Я очень надеюсь, что наука и поэзия поднимут А. Кирияцкого, как два крыла, и тем самым он отстоит своё прижизненное право на «высокую болезнь» искусства.

Дора Штурман, женщина года 1991-92, 1992-93 Кембриджского и Принстонского университетов в книге «5000 персоналий мира» интеллектуальных лидеров.

КНИЖНЫЙ МИР

Д. ШТУРМАН

Говорю. — Гостям во всех мирах
Высокая болезнь
Б. Пастернак

Призвание

Трудно дать название короткому отклику на книгу Александра Кирияцкого "На закате эпохи". Поневолье — короткому, потому что уходит в глубины этой книги нельзя: потянет за целую монографию, посвященную лишь для такого культурно-языкового многообразия, каким располагает этот едва достигший тридцатилетия человек. Кто он по преимуществу?

Лингвист, знаток группы романских языков, старых и современных? Да. Но этим не исчерпывается и малая доля того, что содержит в себе его книга.

Во всей своей подноше эта книга, конечно же, не для так называемого "широкого читателя". Более того: многие ее страницы недоступны и для человека хорошо образованного и много читающего, если он не коллега автора в области всей (подчеркиваю — всей) романской филологии. Но магистерскому диплому автор — специалист в сфере испанского языка и литературы различных эпох. В действительности же вы встретите в книге комментированные автором переводы с испанского, итальянского, французского — словом, почти со всех языков, имеющих своим благородным предком и/или со-

братом латынь, литературную и разговорную. У прекрасного поэта и переводчика Семена Липкина есть такие строки: "Опшумел, оттремел Капитолий // И не стало победных святиль // Только ветер диестровских раздолий // Ломошную гоняет латынь". Я вспомнила эти строки Липкина (цитирую по памяти) потому, что в книге А. Кирияцкого тоже звучат не трубнаторжественные и скучнейшие приглаженные переводы на русский язык античных и средневековых стихов "высокого штиля", а живая, дерзкая, озорная речь, которую С. Липкин назвал "домовой латынью", что не исключает ни философской глубины, ни эстетичности и серьезности ряда текстов.

Переводы А. Кирияцкого — это переводы поэтов поэтом, сохраняющие неподдельную свежесть и оригинала, и его переложения на язык русской поэзии.

Их поэтическое качество столь очевидно, что, не имея понятия об оригинале, воспринимаешь перевод как первичную художественную ценность. Книга для романоязычных специалистов превращается в книгу для обширного круга не стиховедов, а стихолюбков.

О том, что А. Кирияцкий — поэт,

свидетельствуют и его собственные стихи и эссе.

Они, не теряя своеобразия, то напоминают своей вольной манерой прекрасную и загадочную "неуклюжесть" стихов Заболоцкого, то становятся лаконичными и отточенными, как японская танка, то обретают "тяжело-звонкую" мощь

столь им любимого и так им глубоко изученного античного стиха.

У Кирияцкого — поэта и эссеиста есть вещи, на мой читательский вкус, не вполне удавшиеся ему, но есть и по-настоящему потрясающие. Вместе с тем он стоит перед серьезной опасностью, ополевшей немалое число талантов. Если он не привлечет себя к земле прочными узлами науки, то искусство, попросту говоря, его не прокормит, как не прокормило оно, к примеру, бесноватно дороговостоящего сегодня Ван Гога.

Художники редко умеют сочетать то, что кормит, с тем, что утоляет в заоблачные выси.

Если у человека искусства нет хоть плохонького родового поместья, он не должен пренебрегать наукой, отлично ему дающейся и способной предоставить ему хлеб, крош и время для творчества. Я очень надеюсь, что наука и поэзия поднимут А. Кирияцкого, как два крыла, и тем самым он отстоит свое прижизненное право на "высокую болезнь" искусства.

Следует отметить, что книга "На закате эпохи" очень хорошо издана, а это не часто встречается в наших папестинах (издательство "Мика", Иерусалим, 2000). В этом немалую роль сыграл художник Ярис, которым выполнены обложка и ряд компьютерных рисунков книги.

Стихотворения и поэтические
переводы

Александра Кирияцкого

На закате эпохи

Настоящий сборник стихов
посвящается памяти композитора
Вениамина Арнольдовича Хаэта.
Его внук Александр Кирияцкий.
«Vita brevis, ars longa est.»
(«Жизнь коротка, искусство вечно.»)

Содержание

На закате эпохи

Содержание

Первая часть: Стихи Александра Кирияцкого /

В память о любимом дедушке — дирижёре и композиторе

Вениамине Арнольдовиче Хаэте от внука /

Эпиграф Йегхуды Халеви' (XII век)

(варианты: на иврите, на рус. в пер. Ал. К.¹) /

Стыд, что те шедевры не постичь глазам... /

Эпиграф: Ex poésis Horátii (Annus 30/ trigésimus/ ante Christum Natum²) /

Из поэзии Горация (30 год до нашей эры) /

Фокус у приземлённого восприятия времени /

За всевышней телепатической добротой... /

Эпиграф: из стихотворения Горация «Триумф» (вар: лат., рус.) /

Москва – третий Рим /

Век двадцать первый или гармонией разума с духом... /

Трели ирреальностей, посвящение первой ночи чувств к бывшей жене А.

Атáвиной /

Четыре реинкарнации по древнейшей форме /

Наизнанку сонет-возврат /

Эпиграф: «Prefátio ex árs Dóni Aratóris» (543 an.)

«Вступление из творений Дона Арáтора» (543 г.) /

Средь забвений река /

Про страну византийскую, про человечнейшую поэтессу Кассию /

Хочу смотреть на классиков без штампов и без масок... /

Чтоб выжить, сотни тысяч лет впотьма́х брёл троглодит... /

Переводы всех эпиграфов книги с иврита, греческого, латыни,
староиспанского и староитальянского А. Кирияцкого ²

trigesimus= ticesimus, eram=aeram — от позднего периода

* Смотреть историю образов со сноской в алфавитном примечании от имени

Эпиграф: Públíus Vergílius Máro ex épos «Geórgica» Octaviáno (Ex liber p̄rimus)
Публий Вергилий Марон Из эпоса «Геóргики» Октавиáну» (Из первой
книги) /
В древность предвидевший беды то пишет, но вовсе не я... /
Эпиграф из строк Ромáна Сладкопéвца
(середина VI столетья от Р. Хр.) (варианты греч. и рус.) /
На закате эпохи /
Позорный Антитриумф по «Триумфу» Квинта Горация Флакка /
(Вольный перевод «Триумфа с современными персонажами)
Эпиграф из сборника духовных стихов Сергея Авéринцева /
Сонет академику Сергею Сергеевичу Аверинцеву /
Эпиграф из римских пословиц (лат.) (рус.) /
«Бойтесь своей мечты, она сбывается порой» /
Эпиграф: Públíus Ovídíus Názo «Metamórphoseón» (Chaos) /
Пúbлий Овидий Назón «Метаморфóзы» (Хаос) /
Предисловие к сонéтному подсознанию-венку /
Первый сонет /
Второй сонет /
Третий сонет /
Четвертый сонет /
Пятый сонет /
Шестой сонет /
Седьмой сонет /
Восьмой сонет /
Ушедшему в 35^и летнем возрасте к космосу, к Музам Эльдару Кайдани /
В человечестве мир отношений... /
Эпиграф: De un poema de Johán Ruýs, arcipreste de Hita (el siglo XIV) /
Из стихотворения Хоáна Руиса, архиепископа итского (XIV в.) /46
«Остановите Землю, и я сойду» /
Путь избранным /
Горе нынешнего Иерусалима /
Три круга перевоплощений сквозь измерения /
Эпиграф: Ex «Metamórphoseón» «Phaëthón» Ovídii /
Из «Метаморфоз» «Фэзтонт¹» Овидия /

Бегают люди. Смотрите, у них нет лица... /
Гимн стремлению к любви в античном духе /
Нынче же, будто в прошлом, всё повторяется /
О, Прометей, к скале прикованный за подаренный смертным огонь... /
Глаз космоса взывает к вере, как знамение крест-дар... /
Роза /
Непостижимый рок судьбы /
Истоки «Утешения философией» и вечность /
Эпиграф: Venátio Fortunátus «Eritáphiu servilónis presbytori» /
Венáний Фортунáт «Эпитафии наиболее высокопоставленному пресвитеру-старцу»
(вторая половина VI столетия) /
К проклятью в пытках ощущался смрад... /
Эпиграф: Ex «Metamórphoseón» Ovídii /
Из «Метаморфоз» Овидия /
Перерождал неорганику сам в себя, как шар-разум... /
Луч (исп.11) /
Цивилизаций ритм у техногенных монстров... /
Скорбь римлян гласит: «Summus hómines et non dei» ... /
Душе моей хотелось ощутить скорость света... (исп.18) /
Тайна древностей старого града... /
Утро (1) /
День – ослепляющий пыльной серостью свет ...(2) /
Харкает чёрной кровью народов мудрость... /
Вечность Микелáнджело Буонаррóти и жизнь /
Песнь Чайке, Ларисе, красавице посвящается, с сердцем музыканта и
поэтессы /
Эпиграф из римских пословиц (лат)(рус) /
Закон рабства /65
Не из-за звёзд, а из-за чёрных дыр фатальность поэтов
Эпиграф: Iаerónimus «Demetriáda líttera» /
Из поэзии Иеронима «Деметриáде письмо» (400 год) /
А /
Б /
В /

Эпиграф: Manlius Severinus Boëtius: Ex «De Consolatióne philosóphiae» libri
tértii /
Манлий Северин Боэций: Из «Утешения философией» книги третьей, конец
523г.) /
Сонет Мánлию Северину Боэцию, творцу и учёному, казни 524 года /
Евлогий и Даниил из преданий Византии /
Пускай из-под пальцев Ваших зажжётся музыка цветами... /
Спускаются, так закрываются, горящие цветами, осенние вечера... /
Спичка вспыхнула. Погасла. Не фантом кто, оглянись... /
Эпиграф: Dàlla «Divìna Commèdia» di Dànte Alighièri (1321)
Из «Божественной Комедии» Данте Алигьери (1321 год) /
Правил в граде на Босфóре византийский свой Траян... /
Зачем рабам свобода? /
Вы стучались, Вас не впустили в дом... /
В стране нет легендарных фей... /
Радиоактивной судьбой ползут с развязанными глазами /
Эпиграф: Ex poësis Horátii «Cóntra Epicurèos» (An. 30 ante Christum Natum) /
Из поэзии Горация «Против эпикурейцев» (30 г. до Р. Хр.) /
Маскарад /
Судьба так хочет, чтоб одним... /
Памяти Владислава Листьева /
Осень /
Посвящается первой моей любви /
Посвящаю красоте души Кудáшевой Елены /
О центробежном мироздании /
От поцелуя спички загорелся в поле костёр... /
Чтобы не был вдруг задет... /
Вселенский образ Грецию покорил всецело /
Эпиграф: Horátius: «Esse Alcáeumque latínium» (Annus 25 ante Christum
Natum)
Гораций: «Быть и латинским Алкеем» (25 г. до нашей эры) /
Время, зри, как встал лирик, чтоб спеть с неба... /
В память о вечно любимой Грач Лие Самуиловне — тётъ-Лизочке /
Посвящается Лучано Паварóтти и его песне «Памяти Карузо» /

Безумство сменила разумная лень... /
Где они, десять лет? /
Образ вселенский, вкраплённый в непознанный город /
Эпиграф: «*Sta carmína dicúntur ésse Lactántii*» (303 an.) /
«Бытию посвящена песня Лактáнция» (303 г.) /
Пейзажи идей Шри Ауробиндо и Нострадáмуса /
Эпиграф: «*Ex poësis Ambrosii*» /
«Из поэзии Амврóсия» /
Первые шаги в поэзии в возрасте пятнадцати лет /
Прямая — проклятый эллипс /

ПРИМЕЧАНИЕ /

Стихи Александра Кирияцкого

под эпиграфами из отрывков или стихов античной, ранневизантийской и позднесредневековой поэзии на языках оригиналов и в переводах с иврита, греческого, латыни, староитальянского и староиспанского автора книги.

**В память о любимом дедушке — дирижёре
и композиторе
Вениамине Арнольдовиче Хаэте' от внука**

Я к пяти годáм оценил истоки
Музыки твоей; к творчеству доро́ги —
От звёзд! Где ты на пороге
У бездн? Для двух опер пишешь космос-стро́ки.

Пред уходом в рай до глубин с сияньем —
Ты зажёг во мне мир над сверхсознаньем:
Лет детских воспоминаньем,
Обожал меня ты перед расставаньем.

Книгу я тебе эту посвящаю
О путях ума к жизненному ра́ю,
Чем в жажде благ люди к краю
Жизни подошли, я за что страдаю.

Сделаю всё я, лишь бы Иуде́я
Приняла талант твой, к свету вновь рвусь гдé я.

Сайт Вениамина Арнольдовича Хаэта (25.05.1896 -5.02.1975)

*Либí бэ мизрáх вэ анохий бэ соф маарáв
эйх эт-амá эт ашёр охáль вэ эйх йээрáв
эйхá ашалém нэдарáй вэ эсарáй, бэод
Цион бэ хэвэль эдóм, ва ани бэ хэвэль арáв
йэкáль бэйна́й азóв кальтув сфарáд кэмó
йэкáль бэйна́й рэóт двир нэхэрáв.*

(Йегхуда Халевí)

*Моя плоть на западе, душа всё зрит на восток,
но мне как вкусить той мечты Творца хоть один лишь глоток?
как тем и за грех мой заплачу́, я, — не сдержáвший клятв?
Сион — часть Рая, в арабских цепях я жить изнемог,
Покинуть лучше мне родной испанский град,
Стремлюсь в руины от храма там, где с нами Бог.*

(Йегхуда Халевí) ¹ (XII век)

Стыд, что те шедевры не постичь глазам,
Таинство в мечéтях в несвободе духа!
Греция руинам, как Стамбу́л векам,
Памяти безмолвье, слабость глаз и слуха.

Полтысячелетья Византии' нет,
Храм святой Софии с церковью красной — Хóра
Чтут строки Корáна вне Эллады: лет
Клáссики средь башен давнего позора.

Иерусалим коль ислам возьмёт,
Вслушайтесь в шум мóря сгинувших поэтов,
Как Константино́поль, тех взбешённый сброд

В новой Иудее коль звезду сожжёт,
Иссушít истоки Тóры и Заветов,
Слепо истребляя мой в огне народ.

Нас вёл Моше¹ из рабства по пустыне,
Не жить рабу в Израиле и ныне,
В ночь не разбить наследья Иудеи,
Цель, свет веков в поруганной святыне.

Зри, перс, семь свеч зажгли к луне Пурима*
В дар шесть лучей, хранители идеи,
Сам Бог от слёз к стене Ершалаима
Шлёт нить, что лишь врагам вовек незрима.

От Иордании до вод Марокко
Не сбить рабам исламского пророка
Пыл и звезду Земли Обетованной.

Кинжал вонзив в грудь женщине жестоко,
Рай ждут в крови — в безумии желанной,
Чтоб тыл прорвать, празомби войн Востока.

Пишу я, по Израилю страдая,
Античностью латыни на устах,
С Испанией повязанный в стихах,
Еврея кровь, ты пой в моих висках!

Проходит молодость — осень золотая,
К безвременью зря варварски марая
Мозг, прячется средь стен чужого края
Испугом снов в узбекских городах.

Израиль станет, Русь, меня прости
Вторым из Возрождений у Руси!
В сердцах я — русский в вечной круговёрти,

*Ані русі, одна́м' ве йегхуді!*²
Россия, я молюсь, чтоб не шла к смёрти,
Средь войн в ночь величественная впереди!..

¹Моше — у христиан Моисей.

² Я русский, также и еврей.

* * *

Scriberis Varió fórtis et hóstium
víctor, Máeonií cárminis álití,
quám rem cúmque feróx návibus áut² equis
míles te dúce³ gésserit.

Nós, Agríppa, nequ' háec dícere, néc gravem
Pélidáe stomachúm cédere néscii,
néc cursús duplicís pér máre Ulíxei
néc saevám Pelopís domum

cónamúr, tenués grándia, dúm pudor
ímbellísque lyráe Músa poténs vetat
láudes égregií Cáesaris ét tuas
cúlpa déterer' íngeni.

Quís Martém tunicá técum[tec] adamántina
dígne scríberit áut púlvere Tróico
nígnum Mérionem[Merion] áut ópe Palládis
Týdidén superís parem?

Nós convívia, nós próelia vírginum
séctis ín juvenés únguibus ácrium
cántamús, vacuí síve quid úrimur
nón praetér solitúm leves.

(Quíntus Horátius Fláccus
(Ánnus 30/trigésimus/ ánte Christum Natum)

* * *

Варио пиши ты песнями с крыльями,
Майони́йских побед, сам, о, гость избранный,
символ — ты, как корабль, или возно́сишься
ты на конé со всадником.

Мы, Агри́ппа, в народ правду всю молвить коль,
не Пелíд осуждён с греческой мудростью,
не двуликим путём за мóря два плыл Ули́сс
и Пелóпа суровых дом

ценим мы, ведь, о честь, Муза под томность лир
не велит за дела́ Цéзаря чествовать,
то могущество всех сильных, в тебе же брешь
не раскрывших величия.

Кто бы Мάρса одел вмиг броню латную,
но в писании чьём, иль Трóя наказана
Мериóна рабам, иль к Паллáде,
в равных, в путь, о, Тидéя сын.

Братство, в нас ты живи, битвы за дéвушек,
остротé ноготков юности чувствами
мы поём, народ вольный, сжигающий,
время от безмятёжности.

(Квинт Горáций Флакк)
(30 год до нашей эры)

ae — [ай]

au — [ав]C [к] duce [дуке] — всегда C[k]

Фокус у приземлённого восприятия времени

Древность не скала в царстве полумрака
Смертностью руин, к бессмертию однако
Прозы да стихов, читают их двояко
К космосу души и знака.

Как цветы взрастили лазурные куплеты,
Свежий ветер с моря! — эллинов поэты.
У Алкэя чувства Горацием воспеты:
Первые всласть зря задеты!

Цэзарей приказы режут птицам крылья,
Пóлисы свободных меркли от бессилья.
Флакк жалел: «Напрасно выбрал этот стиль я?
Смолкну и... грёз изобилья».

Кто, как Катүүл, пишет, тот сгинет Цицероном.
Ночь днём называют покорно мерзким тоном.
Против Катилины кто смелы в году оном,
Тянутся к царя законам.

Дрязги власть держащих — в пожарах от Нерона,
С Сенекой расправой и паденьем с трона
Первого среди равных, ты — смерть или корона,
Сохнет, о сенат, чья корона?

Фóрумам у римлян — грядущие погромы,
Их, о плод всевластья, ждут молнии и громы,
В ночь — Аларих рушил имперские хоромы,
Краски стиха невесомы.

Дóлгий слог да краткий в двух магиях прочтенья
Сквозь тысячелетья несут в стихотворенья
Греко-римских граций светлейшие рожденья,
Вечности — строфы свеченье.

* * *

За всевышней телепатической добротой
Цельность прошлых миров, то — Божий подарок, огнём да водой
Люди вспомнят нутром о прежних сознаньях! Но в жизни иной
Каждой смерти назло по разным поступкам приносим с собой
В кармы счастье или же горе за всякий наш шаг в силе тройной.

Против козней коварств как трудно сердцам зажигаться звездой:
Но кому-то с небес дан Ангел-Хранитель! Господь Пресвятой!!!
Смилуйся же надо мной ты чудом — небесной святейшей волной,
Тем и спаси Красотой от ангела смерти сейчас. Но ты в той,

Мной забытой в грехе да мгле предыдущей злой жизни слезой
Ныне, что потолок во всём, тут живо проклятье и после кривой —
Новой жизнью с людьми, пусть вновь на перепутье стою, как слепой,
Здесь, где смерть души или перерожденье в стране неземной.

*Sérus ín caelúm redeás diúque
láetus íntersís populó Quiríni,
néve té nostrís vitiís iníquum
óciór áura*

*tóllat; híc magnós potiús triúmphos
híc amés dicí pater átque prínceps
néu¹ sínás Medós equitár' inúltos
té duce, Cáesar!*

(Quíntus Horátius Fláccus: ex «Triúmphus»)

*Позже к небесám взвейся: стать уж вечным,
чуждо живиши́й средь римского народа,
скóрбью не тобой при сверженьи власти
блaжь к сомненью*

*веет; воля — то к высшему триу́мфу,
с жезлом царствуй, о отче, вновь как первый,
не достáв мидян' в скачках неотмицённо,
свыше правь, Цéзарь!*

(Квинт Горáций Флакк : из «Триу́мфа»)*

Москва – третий Рим ·

«Мифы — красноречие последнего века республики...» — Цицерон.
Войны из-за распрей граждан! Консулам власть! Сенат игрой изнемождён.
В Риме: крах могучим умам! Демонов жаждешь, чернь: с небес сильный закон,
Зла козни в величии времени вещим сном страны — Армагеддон.

Форум, лик свободы нравов, Первого примешь ты! Всё ему мы простим:
Голод, мор! О Цезарь, авве! Злобнейший глянет взор, он позор нам! Под ним
Смелость, канешь к страху в вечность, в ужасе чтобы ниц пал к ногам его Рим!
Спой, Гораций, о триумфе! Царствию Первый средь равных — необходим!

Глас Венеры молвит ветру: «Сумерки правды, как зреть Рима семь холмов?»
Шум баталий, сдастся мирно Акциум, Курион, Марцел примкнут без слов.
На юг войско Цезарь бросит, западу смертью бой царь даст, о кровь рабов,
О потомок, вспыхнет к краху дерзкого звезда-намёк, как блеск оков.

¹ eu—[эв]

* * *

Век двадцать первый или гармонией разума с духом
Цивилизаций телепатически глазом и слухом
Вспыхнет у землян, их простит планета
Через вечный миг за прочтеньем мысли
В космосе ума, ангелов обета;
Иль звери в них вселятся, чтоб люди друг друга загрызли,
Брошенные к концу света.

В дьявольском танце: вóйны за веру, поклонение предкам,
Кто культ не осознает, вернётся к скакавшим по веткам,
Бога подменив, в мифы из вер верим,
Ум зашёл в тупик, что-то не земное
Человека ждёт, но он жаждет зверем
Быть по канонам с детства знакомого, истина — иное,
Разумом мы так зреем.

Трели ирреальностей —

Призрак любви целует тебя, девочка-дар,
Афина, в ирреальности стих, но время — страх,
Коль не сберечь подарки огня, уж чувств разгар,
Ко сну — слёзы в глазах.

Время тяжестью образ сотрёт, хоть океан
Биополёй вознесёт его к другим мирам.
Взлёт в объятья двух тел волей слов великан,
Поцелуй — фимиам.

Восхищаюсь, вдруг боюсь порвать то, что вдали
Страны чудес, где будто и свет не наяву.
И куда античные свободу унесли,
Отразивши земных душ молву?

Четыре реинкарнации по древнейшей форме

Я должен крест свой, грешной касты тяжесть
сквозь шквал из бед нести без сожалений,
крах больно жжёт, как только оступаюсь,
с горечью в горле.

То, что доступно всем, мне уж не снится
за грех из прошлой жизни, без рассудка
я властью обладал над чинным людом,
царствовал глупо.

Я чувства женщин не ценил, безбожник!
И строго я карал врагов бездумно,
а птнял поздно соль ошибок чёрных,
каялся мало.

Что б ни добился я, лишь укор смехом,
я — мне любимой чужд, а люб немилой,
без благ земных как жалко вою к слову
карою звёздной.

Но в теле моём жив не только демон,
но и Художник, Поэт Возрожденья,
что родом из Италии... О, Музы'
с радужным взглядом.

Я сердцем с Ним искал поэтов Рима'
и плакал ночью я, как он у Тибра',
его пыл мне писал сонеты в красках,
вечное чувство.

И он мой дух зывал учить французский,
испанский, итальянский и латинский,
дал образ, сей рисунок божьей мыслью
музыкой слога.

Взмах крыльев; романтичны цветом дивным:
зов веры, состраданья, верность свиты,
чей жаркий факел, скорбь и боль растопят
мёртвую льдину.

В мечте и о четвёртой жизни,
где чёрту души неподвластны,
ведь на других планетах Бога
искренность-разум.

Вот шлётся помощь от иных созвездий
без всяких граций, что опишешь в стрóках,
без войн и благих жажд зверей быть Первым
цельностью мира.

Я, полутварь, хочу запретных ягод,
я знаю, как и что тоже мной движет,
и бьюсь я, чтоб очистить прелесть плоти
семенем неба,

а третий глаз, незрячий в смуте,
взмыть в высь стремится к телепатам,
чтоб бэздна мысли окружалась
мудростью трёх карм.

Наизнанку сонет-возврат

(Образ идеи академика Сергея Сергеевича Аверинцева' из книги «Поэтика ранне византийской литературы», от главы «Уничтожение и достоинства человека», Москва, CODA, тысяча девятьсот девяносто семь, со страницы 71ой по 74^{ую})

Смех у богов не допускал грусть несвободы,
Чтоб не терять из ничего бесцельно честь-свет,
Не сил чувств страхов да надежд, он — смерть безличью.

В тот мир сойдёт Сам по Себе крах от природы,
Рвёт цепь зверинств, «Да» превратив в казнь — в остроту «Нет»,
Мир, осознай не продающих тог — величье!

Ждёт цель купец: «Я куплю рай, как Раб в параде
Войск вер любых — от их слепых пред их патроном,
Петь без ума жрецам Моим гимн по Законам
В Ершалаиме, Риме', Мёкке и Царьграде'».

Пусть сел на трон, как среди «равных» Первый в граде,
Чтоб круг светил, мысль-идеал страх сжал каноном,
Стал Бог один, мир зарыдал, дар встал к иконам
Вопль-антипод порабощённых людей в стаде!

Prefatio ex ars Dóni Aratótis:

Quía dúcis flórens máturís sensíbur ótium
Nóminís oré tui jám Floríané tenes.
Nám primaévus, ádhuc sénibús docúmetá dedísti
É quibús in caélum víta párarét iter.
Ád carmén concúrre méum pedíbusqué labéntem,
Pórrigé de plácídó saepé favóre mánum.
Jéjunó sermóne quídem séd pinguía¹ gésta.
Scrípsimús. Ac pélagí podére gútta flúit.
Ínter grándilóquosqué millé volúminá libros
Máximá cum téneás, et brévióra lége.
Náturaéque módo quám rerúm edídít áuctor:
Cóncordént studíis célsa vél imá tuis
Qué genúit týgres, quaéque nútrit térra léones
Fórmásqué; apíbus praébuít ipsá suum.
Etsi réspicías díspensét ut ó iá rector.

(543 /quingentésimus quadragésimus tértius/ annus)

Вступление из творений Дónа Арáтора':

Коль по царски в час досуга раньше расцветающий,
Имя молви, Флориán, своё древнейшее.
Всё ты молод до сих пор; по записям хранимым в древность
О, чья жизнь, как ход, на небе освещается.
Люд, явись на песнь мою трудом изнемождённый,
То во благо протяни ты чаще просто руку.
Голодавшим за стих чтоб дал сытый приношенье
Пишем мы. Стучи к сильнейшей буре моря, капля.
Средь высокопарных тысяч свитков книг написанных
Больше всех тенейских, но прочти и то, что просто.
За природным даром, коим свет творил Создатель:
Мир же высшим рвеньям с тем, что изнутри твоё,
Что рождало тигров, чем Земля и львов накормит,
И возрастит; коль áписов' рождала собственных.
Вот оглянешься, вела тогда то ль чайка кóрмчая.

(543 год)

¹gue — [гве]

Средь забвений река

Светившим в тёмные века

«Μυστηριον ξενως ορθ και παραδοξων»—[«Мистѳрион ксѳнос орó кэ парáдзоксон»]
«Я таинство чуждое зрил и неимоверное»

Во времени Страшных, когда в Риме' мёртв закон,
Дона Арáтора' слово зажглось сокровенное.

Ругайте его, классицизма историки,
«De áctibus apostolórum» [«Дэ áктибус апостолѳрум»] — создáтеля
«Апóстольского деяния» на риторике —
У вáрвара, что вóлка ўха ласкáтеля.

Эннóдия' ритор, душо́ю в Вергилии',
Знав и Амврóсия', послom в Византии' жил,
Из библии óбразы клал в слог идиллии,
Слив как предт́еча ослепляющих разум сил.

К герóикам греков?! — К закатам в безумии
Лукр́еция Кáра' грех с ересью гения.
Античные Мúзы' — засохшие мумии,
Чаруют их лишь у святѳйших видѳния.

А гасшие звѳзды ведь уж не Горáцием',
К подобиям Константинóполя' рвением
Умели, ведя к христианским овациям,
Душителѳй желчных унять песнопѳнием.

По óбразам наивсѳвышней Вселенною
Меняется иск, неусмиримая силища
К спасенью с надеждою всепроникновѳнною,
Чем мы у вер умá аль безумья кормилища.

России дичать у похожей трагедии,
Своих свет поэтов предáвшей забвению,
Уж забывшей и о византийском наследии
Да о греко-римских грехáх к вразумѳнию:

Ей Нóна Понаполитáнского' панцири
У истин закроют в двояком воззвании
Уродство сказочно в тюрьме-дворце-карцере,
О, нищих клад во вселѳнском признании.

О мрак, что есть свет, Земля, о шар-загон,
Для нас, людей, всякое тут совершенное,
Византии' в веке восьмом, где вся жизнь, как сон,
Маюмский Косьмá' в люд сказал многомѳрное

Светившим в тёмные века:

«Μυστηριον ξενος ορθ και παραδοξων»—[«Мистірион ксёнос орó кэ парáдзоксон»]

«Я таинство чуждое зрил и неимоверное».

Про страну византийскую, про челове́чнейшую поэтессу Кáссию'

Ты, Византия', с дарств, — наслéдница греко-латинского мира,—
Освещаешься радугой из стихов христианских поэтов,
Стрóками Андрея Критского', Студíта' с Никифором', Феодóсия Диáкона',

Юстиниáнское' градостроительство воспевала века́м лира
Непокорностью мраку, войск величьем, в слог куплетов
Античности, о чём в руинах Рима' разорённого Европа плакала.

Геркулéс гигантский терпимостью у врат храма святой Софíи
Не символичен в единстве христиан да творцов Элла́ды.
«Славьте Эпику́ра' с Аристóтелем', чья мудрость уж в Константино́поле'»...

В гимнах ярча́йших! — так Иоáн Геомéтр' пел про святые
Дела и места, он сравнил с древностью дух Царегра́да * ,
Перед чьей красотой с помпезностью лишь очáми латиняне хлопали.

Родóсский Константин' писал о семи чудеса́х света¹ —
От всего сердца — в Святоапóстольском райском храме.
Весь в куполах каменный дворец, внутри ж из цветных мозáик иконы.

О Греческий Рим! Не кануть никогда тебе над сном в Лéту,
Памятью — злáтом светишься в многогранной гамме
Строк поэтических — за разбитой крестоносцами статуей для богини Юно́ны'.

Императора дворец, тронного зала мозаичные фрески,
Пол мраморный, где бассейны с брызгами фонтанов из античных стáтуй,
Златóй, хвостом бьющий лев у взором неопенимого престола кёсаря'.

От зóлотом окаймлённых стен и потолков — фáкелов óтблески,
Каменные колонны вокруг, о рай на Земле, глаз Христа ра́дуй,
Когда сенáт поднимается к василéвсу' паденьем ниц его чéствовать.

На ноги знатный люд встал, вдруг вознёсся трон на сорок локтей,
Как пировать, середина свободна, вот бегут акробáты,
Зовущие под кифар мýзыку игрой цирковой, с красками свет к застолью.

Царя жесты, пятнадцатилéтного копирует лес гостéй.
Тут оркестр, танцы да роскошь, только так ангелы неба богаты,
Юнца прославляя. Сливаётся он сам с помáзанников Гóспода ролью.

Василéвсу скúчна жизнь óтрока, ищет он от Бога пáру,
«Красивейшей» на яблоке надписáть, как Парис' ей, Афродите',
Жáждется цéзарю', забыл он по-детски о коварстве богини мéсти.

Дерзnúть, как песнь эллинскую, плач христианский под кифáру
То, как не Феофил' повелéл: «В храм свято́го Стефа́на пригласите
Со всей Ромéйской империи самых прекрасных девушек василéвской честью».

Воззвал мысль в высь безбрежную дух ослеплённый гостей дарами,
Гордится византийская знать под купола́ми храма цвето́го
Петь канон православья, среди дев приглашённых избрать, введя в императрицы,

Царю под стать, бездонной души, красотой вселенской очами,
С изысканной блага́ностью ту! Любить! Родить ей сына такого,
Чтоб Царьгра́д' удостоился взять, будто у Ге́лиоса' свет возницы.

Как уточки вдоль óзера, на мозаичном полу в узо́рах
Красотки разоде́тые пред василéвсом' проплыли по кругу,
Среди них одна, как лебедем, ста́ном, Ка́ссия', чей лик, в даль глаза да волос

Вдруг весь сенат окрылили, к солнцу устремляя в христианских взорах,
Казалось, что цветы, всем незримые, тянутся на её руку.
«И её василéвс призо́вет!» — цвёл хорал церкви, превратившись в ангелов голос.

Ведь Ка́ссия — поэзия, наичистейших кровей Афина!
Хотелось ослепляющей, чтобы народ, как в эпоху Перикла',
При ней восходил и на Олимп с Феофилом', любимым супругой до гроба.

Бог будто внял, ей яблоко дав, кéсарь молвил: «Всех стран картина
Даёт нам, укоряюще, право спросить, лгать любовь не привыкла,
Но смерть несёт она, желал бы знать: «От женщины ль внутри спрятанная злоба?»»

Зря гения востóрженность непостижимая пустилась в спóры,
Что «Да», но больше «Нет», ведь от слабых любовь и дитя рожденье,
И не только грех Евы, живёт в них сам цветок божий, но юнца тем оскорбила.

Он грозно отнял яблоко! То же спросил у Феодо́ры'.
Мол, как могла ты, женщина, спорить?! Царя не принять сужденье!
С ним согласна в сердца́х Феодора, повенчали тут же её и Феофила.

Он, глупый василéвс' жестокий, иконобо́рец последний в царствах,
Был просто даро́в её недостоин, вéщий отказ, как спасенье,
Ей, Ка́ссии, рождённой для волн поэзии, будто проо́браз чувств любви Петро́рки'

Лет то́мных за пятьсот: к молитве в монастыре́, ей, Сапфо́' не в дарствах
Брызг моря, не к свободной солнцу Элла́де, в келье терпеть смиренность
Буйств с пла́менем — напоминающих чудом античных наследий подарки.

¹ Здесь «О семи чудесах света» — о семи чудесах Константинополя.

Как искренне она стрóфами заступает перед Богом
За падшую блудницу кáющуюся! Пой, душа, неразрывно
В ней мýзыкой-природой к любви возваньем протест чинно скрытой невéжде.

И в «Канóне не для усóпших» пред святым порогом
У Страшного Судá за каждую дýшу и за зверей, птиц — дивно
Стих сказочно взывает Творца под звóном трубящих о прощеньях в надежде.

* * *

Хочу смотреть на классиков без штампов и без масок,
За древним слогом — образы из модернистских красок,
В сияньи культов прежних мод вкус у сознания вязок:
Узреть в поэтах давних лет зажженье вéщих сказок.

Разум цветений придуманных сердцем иллюзий взмолился: «О, не убей!
Жаждой защиты от новых у прежних светлейших творцов, власть, силой когтэй».

Софóкл' сказал: «В невédеньи мы о грядущем строго».
Ведь завтра тот, кто изгнан вон, на трон взойдёт от Бога.
Судьба царит над временем, куда ведёт дорóга —
Не знать велит, коль взгляд в грёзы — не только дар пророка.

Publius Vergilius Maro
Ex epos «Georgica» Octaviano:

Dí patrij, ||índi||gétes, et ||Rómule ||Véstaque|| máter,
Quáe Tus||cúm Tiberim[Tiber] ||ét Ro||mána Pa||látia ||sérvas,
Húnc sal||tém ever||só juve||ném suc||cúrrere ||sáeclo
Né prohi||béte! Sa||tís jam||prídem|| ságuine ||nóstro
Láome||dónte||áe lui||mús per||júria ||Trójae;
Jámpri||dém no||bís cae||lí te ||régia, ||Cáesar,
Ínvidet, || átuqe[atk] homi||núm queri||túr cu||ráre tri||úmphos;
Quíppe[kwip] ubi ||fás ver||súm atque ne[s atkwene] ||fás: tot || bélla per||órbem,
Tám mul||táe scele||rúm fa||cíes, non ||úllus a||rátro
Dígnus ho||nós, squa||lént ab||dúctis ||árva co||lónis
Ét cur||váe rigi||dúm fal||cés con||flántur in|| énsen.
Hínc movet ||Éuphra||tés, il||línc Ger||mánia ||béllum;
Víci||náe, rup||tís in||tér se|| légibus, ||úrbes
Árma fe||rúnt; sae||vít to||tó Mars|| ímpius ||órbe:
Út, cum ||cárceri||bús se||se éffu[z, éfu]||dére quad||rígae,
Áddunt|| ín spati||a ét[spati]||ét] frus||trá reti||nácula ||téndens
Fértur e||quís au||rígá neque[nek]|| áudit|| cúrrus ha||bénas.¹

(Ex líber prímus de áнно 37/trigémo séptimo/ ab áнnum 36/
trigésimum séxtum/ vérsun ánte Chrístum Nátum)

Публий Вергилий ' Марон
Из эпоса «Георгики ' » Октавиану'

Родинам двум к молитве, Ромула с Вестой чти, мать,
Глаз, Этрускский Тибр зришь с холма Палатинского' гордо,
Юным перевернуть мир, чтоб бросить в ліки столетьям,
Не отрицайте! Довольно нынче кровь лить зря нашу,
Пал ведь Лаомедонт', как клятвопреступный вождь Трой',
Против небес, навек приді к нам, о Цезарь,
Сгласит, знать, ропот плебеев перед сенаторами' триумф твой;
Власть у стиха слаба, нечиста, где войны да вдовы,
Совершил злодейств сколько сын приёмный не на поле,
Честь из наград, как сохнут пашни, без земледельцев,
Серп тяжёлый, кривой, в меч вещиц вдруг превращённый.
Движет Евфратом всё, что на боях у германцев;
Знай, сосед, закон наш — бесправные в градах,
Правят войска; Марс взвоет люто' сиротам жалким:
Мчавшим к свету квадріги бесполезно из тюрем,
Тайно вновь торжествует запрягавший над властью у леуцих,
Средь возниц слепнут в беге, ведь розг не чуют кони!

(Из первой книги: с 37^о по 36^о год до Рождества Христова)

* * *

В древность предвидевший беды то пишет, но вóвсе не я.
За все ошибки республика платит её сжирающей короне огня,
В самодержавье идёт без рассудка из-за отчаянья, культ в память гоня,
Кровью у деспотов алчность готова над ней расправой насытить, гния,
Жажду приблизиться к звёздам — проклятью избранного толпой на трон в свете дня.

Струсит сенат, разбежится от патриотов, носителей хрупких свобод,
Волей рабов с гладиаторами спасителям Рима', не знавшим народ,
Внёс Цицерон' акт признаний дел самодержца да престол низвергших господ,
Стоит сторонникам Цезаря' дерзость молвить, сенату — фатальный исход.

Памяти Цезаря, после убийства¹ зря Цицерон в солдатне дал прочесть
К краху республики — завещанье цезарианское, творил Бруту' месть,
Власть оскверняющему чернь купившего, что забыть заставил: «Царь кто есть!»
Смертью, побоями с уничижениями насаждай, Гай', вселенски лесть.

Плебс же сестерциев триста, писалось там, лишь царя восхвалив, мог получить,
С ними сады, дар от Рима, божественным именуя Гая, брав неба нить
Слов из веков, видно, чуял коварнейший, как скакала смерть к нему во всю прыть,
Мудро предвидел последствия Юлий: он знал, чем чёрни лихо глаз ослепить.

Труп уж на Фóруме в греческом культе, обожествляя личность, с жертвой сожгли,
Мáрия' внук, Герофил', призывал там чернь к отмщенью, что казалась вдали
От управления городом, восстала, словно прежде за Спартака от земли
Чёрной по-дьявольски, тёмные годы не замечаемой под солнцем в пыли.

Республиканцы бежали от черни: так исчезали то Брут, то Цицерон,
Цезарианцы воззвали к сенату: «К дёмону плéбса бунт зрел со всех сторон!».
За самодержца, но не за тира́на дóблестно вышел бы каждый легион,
Но за призыв к тирании и сам уже Герофил на казнь свыше обречён.

Из Окта́вия, Анто́ния и Лепида² в столице Второй триумвират',
Чьи повеленья всесильны, не может сопротивляться уж трéснувший сенат?
Нáчались в Риме репрессии: все друг друга продать за мелочь норовят,
Вот Цицерон обезглавлен, да в Рим его голова привезена для наград.

Августом царственным через пятнадцать лет³ по наследию будь, Октавиан,
Ибо народ захотел жить в бесправьи, пёстуга самообман.
Нынче российские го́ловы, с плеч слететь чтоб, падут к палачу ниц: «Правь, тиран,
Новый наш вождь всех времён да народов в крах холóпских страх стран».

¹ 44 год до новой эры; ² Второй триумвират *; ³ 29 год до новой эры.

*Ἰλεως, ἰλεως, ἰλεως,
γενου ημιν, π παντων ανεχομενος
και παντας εκδεχομενος.
[Ἰλεος, ἰλεος, ἰλεος
гхену имѣн о πάντων ανэхόμενος
кэ πάντας экдзехόμενος.]*

*Благостный, благостный, благостный,
будь ты уж и нам, всяким, всевзирающим
и каждых принимающим.*

*(Ромán Сладкопéвец')
(середина VI столетья от Рождества Христова)*

На закате эпохи

Град Константина', богатств клад, дней семь крестоносцы кромсали,
Глуп император-предатель в бегáх, долг вернут, принц в опале!
Фóрумам трём Византии' из стáтуй — не быть! В идеале
Тёмной Европы смотрелись те, как грех с папско-римской морали.

Там золотые скульптуры на части рубили сначала,
В храмах полотна икóн сдирал нож, но глазáм было мало,
С площади каждой и башен, вонзя в умы змеи жало,
Их драгоценности варварски чернь для себя воровала.

Сто пятьдесят лет владели войска латинян Царегрáдом',
Восемь веков неподступным с жарким предсмертным распадом!
Но мусульмане из страха пред Ним звать Царьград стали адом,
В веке пятнадцатом в ночь надругались над крестным обрядом.

В бывшей древнейшей державе от дрязг да интриг царедвóрцев
Смотрят теперь минареты в акрополь времён чудотворцев...
Греки, сирийцы и áфры «За» иль «Против» иконобóрцев?
Вера арабская тех не страшит, как Россию месть горцев.

Третьего Рима в Кремле власть горит к Византии' спуститься!
Знать, коль Третьяковых дары в безвластьи, к нам войн колесница
Мчится, как турки в Стамбул, не китайских Ичкерий столица
Нынче Москва! Русь, проснись, возрожденьям темница

И нищета ты светил, чей восход аль закат? И небылица —
Рабской Элладe град вселенский вернуть... Ведь искрится
Память под страхом с надеждой людской на счастливые лица
В Райской России, куда, как в Эдém, русский сердцем стремится.

**Позорный Антитриумф по «Триумфу»
Квинта Горация Флакка'**

*(вольный перевод «Триумфа»
с современными персонажами)*

Уж хватит зёмлям русским прежних козней,
в грех град метнул гнев Бога, ведь, знать, красна
десница кровью, — «Ты кинь копьё в небо», —
мстит ужас в градах.

В ужасе люду тяжко не вернуться
к демону, монстру вновь жечь нас за ропот,
жалких культ Ленина у быдла манит высью
зрить власть с вершин гор,

рыбою народа массы липнут к силе —
знак, и, что трон вождя был голубиным,
а властью страха чтоб, вспрыгнув, умчаться
по степи ланью.

Увидим реку Москву мы, берег правый —
кремлёвский, теченью мятежной волей,
плыть по грязи к монументам царским
за новым храмом.

К крови лжепатриоты призывают,
слышим клич мщенья; блудных берег левый,
ты — лишь обманы, идол твой против.
То — два супруга!

Средь гражданских войн рёв металла слышен:
наильно в Грозном буйство усмирили?
Осознанье бойни молодцев, как жертву,
не многим в горечь.

Чем молят Бога при-смерти народы
о сильной власти? Просьбой: «Мы устали,
простые люди, хватит нам в муке слушать
о правде сказки?»

Кто ждут во искупленье счастья — козней
идейных, тебя искренне возвысят:
тучи на души враз одеть заставят,
культа звёзд поклонник,

Если ты верен, твой избранник жалок,
ворон зло только кружится над добычей,
коль ты б засеял семя, то потомок
пред тобой дрожал бы

вечно; очень долго игр свобода длится
мор, и, как помощь потёртым каскам,
острый нож диких окроплён свежей кровью,
вражья дружба!

Мир.., молодой зверь-диктатор, иди жечь,
тучи не крылья, о, без счёта казни,
сын красных власти, выжить способной,
партии мститель.

*...Об адама́нтовых учили гранях,
о стенах из огня, о кривизне
пространства: тот неизвестный предел,
что отделяет ум земной от Бога,
есть наше невниманье. Когда б
нам захотелось всей волею — тотчас
открылось бы, как близок Бог...*

(Поэт Сергей Сергеевич Аверинцев'. Из его
«Духовных стихов» 21 ноября 1998 года)

Сонет академику Сергею Сергеевичу Аверинцеву

Живому классику пишу, он окрылил мой дух,
В моих ничтожнейших стихах, с кем столь не близкий я.
Прочешь по-новому писанья византийские
Вулкан с космическим умом свет нёс¹ на русский слух.

Двадцатый век в лесу потерь был к Цареграду' глух
Без мудрых книг его про жизни кесарийские.
Наследья, возродитесь в высшем иске дня
Сегодняшнего, коль на них — взгляд из вчера потух.

Дар в Библиотéкаре российском Анастáсии'
Дверь otvorил в жизнь непревзойдённой Кáссии'
Из строк Аверинцева в данной ипостаси... и

Страшусь не так воспеть я восхищения
Им, академиком в поэте с мозгом гения,
Русь, отразит чей мир в века́х большой поэт в строфе́, не я.

*«Si, égo plus quam féci fácere non póssum»
«Víta moriórur in memória vivórum est»
«Dum spíro, scríbo: ««Lex hómíne est rex»»,
ómnes mortáles laudáre óbtant».*

*«Да, я сотворил больше, чем когда уже либо»,
«Жизнь мёртвых в памяти живых, как встать»,
«Пока дышу, пишу: ««Ведь людской закон — царь!»»
всем смертным хочется жить хвалимыми».*

«Бойтесь своей мечты, она сбывается порой»

(Сократ')

Как в детском сне, шёл средь заснеженных волшебных гор,
Где ветер пыл мой вёл: в признании небо постичь.
Зреть птицей жаждал я, взлетающим, звёздный простор.

Рад райским утром с восторженностью к солнцу взлететь.
Я молод, принца ждёт искреннего сердца судьба!
(Да, в детстве-сказке доля правд из космоса есть.)

И ровно взвился, но боль чувствую, скрежет в висках,
И в трансе быстро упасть вижу: крутится жалко мечта
Над серой кручей из скал в ошеломлённых глазах.

И холод адский метит кинуть лишь предсмертно в дрожь.
Я на мгновенье на надежде открываю свет.
С бэздною он из-под осознанья стал на себя не похож.

И камнем я ринулся с ускореньем к смерти вниз,
Не мог там даже удержаться, где всегда я жил.
Страсть-дух сгубил восторгов отроческих не каприз!

О люди, бойтесь вы свершения благой мечты,
Всё может в жизни сбыться празднично, как никогда,
Но от слепящей глаз — поверившему — красоты...

* * *

Ánte mar' ||ét ter||rás et, ||quód tegit ||ómnia, ||cáelum
únus e||rát to||tó na||túrae ||vúltus in ||órbe,
quém di||xére Cha||ós, rudis ||índi||géstaque ||móles,
néc quic||quám nisi ||póndus i||nérs con||géstaqu' e||ódem
nón bene ||júncta||rúm dis||córdia ||sémina ||rérum.
Núllus ad||húc mun||dó prae||bébat ||lúmina ||Títan,
néc nova ||créscen||dó repa||rábat ||córnuat¹ ||Phóebe,
néc cir||cúmfu||só pen||débat in ||áëre ||télus
pónderi||bús lib||ráta su||ís, nec ||brácchia ||lóngo
márgine ||térra||rúm por||réxerat ||Ámphit||ríte:
Quáque fu||ít tellus, ||íllic et ||póntus et ||áër.
Síc erat ||ínstabi||lís tel||lús, in||nábilis ||únda,
lúcis e||géns a||ér. Nu||lí sua ||fórma ma||nébat,
ábsta||bátqu' ali||ís ali||úd, quia ||córpor' in ||úno
frígida ||púgna||bát cali||dís, hu||mémentia ||sícis,
mólia ||cúm du||rís, sine ||pónder' ha||béntia ||póndus.

(Chaos ex «Metamórphoseón» Ovídii)

* * *

До моря, суши и земель, до всего, небеса чем движет,
знать, был тогда у природы лик один лишь в круге.
От Хаоса царство из скал в беспорядке, где грубость;
не сжатость громом грузно враз накопилась, как нечто,
не добро семя вещей всех из разладов рождалось.
До тех пор мир хмуро озарялся не Титаном',
не вновь растущим к созданию лун рогом-Фэбом',
не как шар, чахло в пространстве над миром единство
грузностью своей с горизонтом, не рукой могучей
границы Земли не вписала когда Амфитрита',
где отступить тверди, там воздуху взмыть и всплыть водам.
Бой в нестабильности, чтоб взойти тверди, к волнению и водам,
воздуху без света, что не свою форму изменяет.
В царстве помех у одного другим так, как всецелостность в единстве,
всюду тепло в бой шло с холодом, как сухой всякий с мокрым,
мягкое всё с жёстким, биться гнал вес с невесомости властью.

(Хаос из «Метаморфоз'» Овидия')

Предисловие к сонетному подсознанию-венку

Свет оранжевый в галерее тьмы;
В прошло-будущем, сном одновременны:
Разумы нутром, коль в Раю нетленны,
На единстве: «Мы»,

Всей Вселенной цивилизий страны
В мыслях космосом цельной зрит душа,
Из светящихся дум нам, не спеша,
Звёзды слились в храмы.

Огненно звучат токи всех симфоний,
Грешных и тогда дар уносит ад?
Я не человек уж в лесу гармоний.
Люд — гул какофоний,

Из других планет шанс — очиститься,
Коль душе Земля — спад, бессмыслица.

1

Что ненужен мир мой, понял, уходя,
«А пророком Земли я чтоб был плохим!»—
«*Falsus útinám ut terrae vátes sim!*»—[«*Фальсус утинám ут тёррай ватес сím*»]
В зимний плач дождя.

Здесь замёрз не я, жёлтый луч, кружа?
В разных к истине плóскостях летим.
На идеях жертв заиграй свой гимн,
Время без грошá.

Шлёт скромный свет к зёмлям вечных мест
«Есть в простых словах правда!» — древний крест, —
«*Veritátis simplex óratío ést!*» — [«*Веритáтис сímплекс óратío ést*»]
Разность чувств поймёт,

Крутит, как игру, сон-водоворот.
Не один пройду реку смерти вброд.

2

Не один пройду реку смерти вброд.
По вражде у вер, скрытней адский дух.
Защитит жену муж: одно из двух.
Тянет к войнам сброд.

Трёх мерил один для людей восход.
Ведь «Букóлик» ' стих, как слова́м пастух,
Знак, исток времён, сме́рти ве́щей слух:
Лет двух тысяч ход.

Дарство, о зигзаг Хинаяны', мучь.
Мрачно пал Тибёт, мхом в ветра́х порос,
А, пещеры скал, откровений луч
В сталактитах слёз.

О Нирва́ны' зов на руинах круч.
Сердцу ворох снов груз в Санса́ру' нёс?

3

Сердцу ворох снов груз в Сансару нёс...
Ра́дуги цветов, третий глаз, пожар,
Сном скройте ума, как пьём мёд-нектар
С дикостей Рок-звёзд.

В скре́жете у зла — мыслью в Землю врос
Грех божеств, ядро́, в магме пла́змы пар,
Спо́ра кончит цикл в перемен разгар
Б°-г, Аллах, Христос,

Будды Ша́мбалы' — чистка Страшный суд.
Рабства культов, злость серо люд растил.
За грехи воздаст! В Боге те спадут,
Встанут из могил

Догмы их вершин, как загнивший труп,
Чтоб не дать взлететь ввысь, на зов светил.

Чтоб не дать взлететь ввысь, на зов светил,
 Веры вторят, что Бог грешников низверг,
 Нам Бетховен путь в космос подарил
 В Просвещенья век.

Музыка небес вне земных мерил,
 Духом красоты одержал он верх,
 Если б масс болван вечности б не мстил,
 Ад бы, Рок померк!

Дульсинея, ты — вечное кольцо,
 Дон Кихота миф! Тот к преддверью лишь
 В целый мир! О жизнь, жертвы то лицó
 Знай, а глас услышь!

Антиразума бьётся жизнь-яйцо,
 Но игла падёт в кров одной из ниш.

Но игла падёт в кров одной из ниш.
 Стен глазами — иск, шлёт из выгод сила,
 Ею правит, в чём празднично скрутила.
 В ночь ты что молчишь,

Лик глупца? Назад юность возвратишь?
 Смерть любви мой дух в дурня превратила.
 Песня никому! Чувств души могила —
 Со злат дёвки, мы ж,

Юноши-слепцы, верим в блажь-мечту!
 Возраст нежный мне! Десять лет лишь сжечь?
 То девиц сведут старцы в пустоту
 «При пожатьи плеч»¹.

Я голодных снов мыслей жру бурду
 Жизнь, хочу, назад ты чтоб стала течь.

Жизнь, хочу, назад ты чтоб стала течь.
 Пусть материя как бессмыслица,
 Где и не взлететь, чтоб не крыситься
 На абстрактность — речь.

Я поднял потók, из искр мыслей хаос.
 Тайны высших душ к возвращенью свистом
 Мне закрыли в смерть óкна искренне
 В жизнь, на паúзу.

Стáями теней прáво выбора,
 За бессмысленность форм времён арены
 Сердце волю снов выиграло,
 Раздувая вены.

Дéвочка тогда пáльцем тыкала:
 В звёзд небéс фонарь, глаз легенд Сирéны.

В звёзд небéс фонарь, глаз легенд Сирéны?
 Колесо времён ставит опыты:
 Знают ли урок жизни — манекены,
 Биорóботы.

Чёрно-белых душ жмётся скóпище
 На разбóрке жертв в пятипалых га́дах,
 Норм конфликты — жизнь чудовища
 Прáво-виноватых.

Миллиардами под свист в дúдочку
 Бились каждый век зверски в стéну лбом,
 Вместо мыслей зря лёпят дурочку
 В вéрах древних сном.

Догм ты, люд, улóв не на úдочку?
 Образ выдумав, стал его рабом.

Образ выдумав, стал его рабом.
 А винт-лестница тянет к чердаку,
 Только в даль мой взгляд на руку врагу.
 Коль планета — дом.

Инопланетян я — на упыт тля,
 Лезу к блёсткам на каждом уж шагэ:
 В гравитации, и как раб, бегу;
 Но взлечу, Земля!

Чердакб, где дверь, я пусть не достиг!
 Тучи уж и над крышей не висят.
 Биоток увёл злобных бурь заряд.
 Синий божий лик.

Я, взлетающий, знай, он жжёт хотя.
 Ненужен мир мой, понял, уходя...

**Ушедшему в 35^м летнем возрасте к космосу,
 к Музам Эльдбру Кайдани**

Поэт-историк жаждал жить, но знал, что умирал.
 В сознании в свой предсмертный час сказал: «Я умираю».
 Он был спокоен, глядя внутрь миров, в звёзд идеал.
 Смеясь, он жил! Вот миг... дух мчится через трансы к раю.

Круша богатый миром мозг — шквал, из бездн океан,
 Чьё мужество — бесценный шар для ангелов Вселенной,
 Не душу, только тело, рак бессильно взял в капкан.
 Спасеньем смерть за ним вошла — покинуть мир, прах тленный.

Он необычный, как и всякий, кто перешагнул
 Шкалу из рабства созданной ребли в отраженьи,
 Трёхмйрность правил, что лишь жаждет прежних культов гул,

Проклятье серых будней на всепризнанном скольжйньи.
 Ему земные склоки — просто пыль, тот вихрь уснэл
 В стихий-раздумьи неба чистоты во всепощеньи.

* * *

В человечестве мир отношений
обречён на провал,
как пока не увядший и ещё не жёлтый
лист на распутьи
души и зверского мира,
где счастье — нимф лира.

«Ensiémplo de cuándo¹ la tiérra bramáva

«**A**ssý ffué que la tiérra començó a bramár:

» Estáva tan fyncháda que quería quebrár,

» A cuántos lo oýan² podía mal espantár

» Cómo duéña en páрто començós a cuytár.

» La génte, que bramídos a tan grándes oýa,

» Coydávan³ éra preñáda: atánto se dolía:

» Penssavan que gran sierpe o béstia pariría,

» Que a tódo el múnndo conbrí e estragaría...» ».

(España, el siglo XIV)

(Johán Ruýs, arcipreste de Hita)

«Пример, когда вся земля клокотала

«**З**рить пришлось мне, как земля прънялась клокотать,

»Влюблённая в себя, с желаньем всё разрушать,

»Лишь того, кто гул слышал, она могла напугать,

»Как хозяйка рода злых начал, в ведьме не мать,

»И люди, что угрозу преиспóдней слыхáli,

»Считали: с болью безмерной содрогнулись дáli,

»Казалось, что змею, аль бестию они рожали,

»Что закроет весь мир зло это, как в самом начале. »

(Испания, XIV век)

(Хоán Руýс, архиепúскоп úтский)

¹/kvando/qu-/kv/ [кв]

²/oýan/oy-/oi/ [ои]

³/koidavan-/oi/ [ои]

«Остановите Землю, и я сойду»

(Шопенгáуэр')

(Впечатление от фильма Андрея Тарковского '«Ностальгия»)

Остановите Землю, и ... И я сойду!
Я спасу вас! На мне ставите вы многозначительный крест,
Остановите Землю! Ведь я себя сожгу! Я сойду на её полном ходу.
Я не прошёл со свечой через бассейн. Это мой прощальный протест.

Я убеждаюсь в дыханьи безвременья который раз,
Что сегодняшний день — враг реальностям всех нереальных идей,
Тех идей, что всегда задним числом выжимают из нас
Под предлогом скрытых идиотами дней.

И так мы, решая ряд важнейших мировых проблем,
Преодолеваем вымышленные препятствия на нашем пути,
Как ни странно, эта мысль понятна абсолютно всем,
Кому не надо ношу на горбу нести.

Мы кричим: «Землю ведёт грандиозный прогресс»,
Не осознавая, что прогресс отношений Ещѐ, а может, Уже двулик,
Когда теряем к светлой жизни живой интерес,
С годами начинаем считать, что зашли в тупик.

Вот так, почти не двигаясь с мѐста, буксует Земля.
Так остановите её на мгновенье. Ностальгия.. и я сойду!
Для чего и зачем мне последние силы тратить зря?
Для чего накликать на вас и на себя беду?

Ведь в этой абстрактно зеркальной беде
Будет невинно в массе жить и моя вина.
Нет, лучше я пойду по другому, придуманному мной пути.
Вне Земли я умру, но такая смерть мне не страшна,

Мне страшнее в ногу со всем миром идти.
Остановите Землю и я сойду...

Путь избранным

В касте, призвано из древа, поражает мир вокруг,
Манит внутренним воззванием да талантом: «О, мой друг!».
В подсознаниях хватает взглядом, то в пожатых рук
Он, как царь, в дружей вселяет потерять себя испуг.

К фараонам те потомки у рабов от тьмы колен.
Побеждая, разделяет брат дружей для перемен.
У людей, где нет той власти, нрав берёт доверье в плен,
Чем любовь к себе вжигает в сердце голосом сирен.

Личность он красиво душил, в уши льёт слепую сласть,
За глаза толпу толкая показать у тигра пасть.
Зависть к пустоте он будит, в пустоту чтоб не упасть,
Сам он словно в состраданиях тщетно прячет беса страсть.

У актёров да поэтов он расправил свой шатёр,
Кто не данной касты отпрыск, тому он разжёт костёр
Для сожжения надежды, желчно — каверзник хитёр,
Многим избранным за Музу' крылья-культы распростёр.

Меж звёзд двух: Лопе де Вёги' и Сервантеса — стена.
Лопе касту деспот принял, жизнь Сервантеса — война.
Ночь душёний Саавёдры на иные времена —
До восхода не успела удержать творца у дна.

В чёрной магии он топил и меня, заткнувши рот,
В сплетнях с хохотом вампира, на меня повёл народ,
А не даст сказать ни слова: языки да стих не в счёт,
Недостойн спеть с элитой я, творец своих невзгод.

Важен, мол, теперь Овидий, как зонт рыбе во пруду,
Зря Сервантеса коснулся я себе лишь на беду.
Из галактик у Вселенной, жертвами в земном аду
Здесь, знать, иль в потустороннем свете я ему ищу узду.

Солнце Гелиоса', к нóчи Землю погрузи во тьму,
Инквизитор и Джордано' к идеалу одному
Рвутся из несовершенства, я же, смертный, не пойму,
Как в дракона обращаюсь я, вожжи брать мне ни к чему.

Горе нынешнего Иерусалима

Слыл он символом у евреев тридцать
В странствиях веков, в вечности молиться,
Чтоб как с древности ныне воплотиться
Теперь не небылице.

Древняя стена нам напомнит горе
Изгнанных страдать далеко за море
Иудеев в неистовом позоре,
Скорбит без слов в укор:

Не понять слепцам, что страна их стала,
Как в года Шломó! Шесть лучей зеркало
Мудрого народа, чья судьба взалкала
Всю горечь идеала.

Дар Израиль — лик — Иерусалима,
Иудейским став, несоизмеримо,
Как град не один, с крыльев Серафима
У нас в сердцах любимо

Должен засверкать, ни как мрак в помоях,
Словно край чужой в ненавистных строях,
Где, как уберут, сразу срут в героях,
То не рабы ль в изгоях?

Пусть, где чтут Танáх, гаже чем повсюду?!
Как смрад объяснить помнящим Иуду?!
Под бэйт-кнэссетом на отбросов груду
Смотреть, не веря чуду?!

Три круга перевоплощений сквозь измерения

Жизнь *цельна* у *неорганик* до огней звёзд без конца
В метagalacticках сверхразумных творений отца,
Разума всех ответвлений вне вер земного глупца,
С антиразумностью зло — в статичности мрак без лица́.

Лишь роком карма́ даётся избранным власть над Землёй,
То деньги с ними бушуют призрачно в холод да в зной,
Чьи жертвы — души, как тени, связанные не петлёй,
От царствий кто не ослепнет, а кто вольёт в сердце гной,

Но кто-то гибнет в таланте Мо́цартом, знать, почему?
Ведь горе с желчью Салье́ри — посланы с Чрева ему,
С праздника более страшным: свёргнутого в жизнь-тюрьму,
Чтоб не иметь, а к безумству жаждать: «Сквозь ад отниму!»

Три круга в нас, и вот Первый: ма́тери Чрево страстéй,
Где нужно время и форму ещё заслужить у ней,
Чтоб эмбрио́ном пройти все фазы в игре из люде́й
И быть творцом аль царём, не тенью — с одним из путей.

На выбор дан круг Второй: состариться и умереть,
А в Третий мир окунуться вечностью Разума ведь,
Где в Абсолюте единство — культом не пойманных в сеть,
Чтоб развиваться безгрешным без догм поверий впредь.

Ex «Metamórphoseón» Phaethón

Ú t ve||ró sum||mó des||péxit ab|| áethere ||térras
íffe||lích Phae||tón peni||tús peni||túsque ja||céntes,
pálluit¹ ||ét subi||tó genua ||íntremu||ére tí||móre,
súntque ocu[súntkw-oku]||lís teneb||ráe per ||tántum ||lúmen ob||órtae,
ét jam|| mállet e||quós nun||quám teti||gísse pa||térnos...
Quíd faci||át? Mu||túm cae||lí post ||térga re||lícum,
ánte ocu[ant-oku]||lós plus ||ést. Aní||mó me||rítur ut||rúmque,
ét modo,|| quós il||lí fa||túm con||tíngere ||nón est,
próspicit|| ócca||sús, in||térdum ||réspicit ||órtus,
quídque agat[kwídkw-agat]|| ígna||rús stupet,|| ét nec||fréna re||míttit,
néc reti||nére va||lét, nec ||nómina ||nóvit e||quórum.
Spársa quoque [sparsa-kwokw]|| ín vari||ó pas||sím mi||rácula || cáelo —
vásta||rú mque vi||dét trepi||dús simu||lácra fe||rárum.

(Ovídius)

¹ui — [ви]

Из «Метаморфоз '» Фэ́тонт '

Как копьё с гор пасть, метнул от огнёй взор на землю,
изнутри Фаэтонг и духовно разбился так горько,
с бледным лицом сам, от ужаса поступью дрогнул, смертный будто,
взорами шарил во мраке, свет ужасно глаз резал,
но зарёкся уж впредь коней он отцовских не трогать.
Что натворил? Неба бездны за спиной оставались,
Мир пред глазами встал. А ждёт дух награды иль мёры
силы запретной за то, что коснулся, уже смерть,
случай предвидел и, как на восток с тоской взглянет,
то, что беспечность дарит, сбив пыл вдруг, перевернётся,
краха не предотвратит, не именем звать коня новым.
С пламенем пёстрое диво, и пестреть куда небу,
зрит вдали небосвод он, дрожжа от тревоги, где звери.

(Овидий)

* * *

Бегают люди. Смотрите, у них нет лица. Нет, оно есть, но только одно на всех. Кто-то спал с моей любимой: «Ха-ха!». Глаза. Красный фон: «Ха-ха!». Я взлетел. Я взлетел! И сразу ощутил, что в руках моих власть, что я стал полубогом. Торжествуя, я смотрел вниз. Сколько красок. ЧЕЛОВЕК, ВЫЯСНЯЮЩИЙ: ПРАВ-ВИНОВАТ, никогда не поймёт, что он не есть ЧЕЛОВЕК РАЗУМНЫЙ. Жёлтые абажуры. И тогда придёт Мессия. Падаю вниз. Где я? Не помню. Гляньте на звёзды внутрь. Они светятся, не мерцают. Вон, одну мерцающую видите? Я её вижу глазами, затылком, лицом. Целую воздух. Звезда. Красная звезда. Постепенно она приближается. За секунды миллиардом мыслей парализует кору головного мозга. О, как я хочу покинуть — в транс — несовершенный мир отношений ... Мозг первобытный мой. Зависимость: ПЛЮС и МИНУС, пропорциональные БОГУ и ДЬЯВОЛУ: НУКЛОНЫ, но также ЭЛЕКТРОНЫ. Электронов нет. Но есть облака. Может быть, ВСЕЛЕННЫЕ в НЕЙТРОНЕ, как НЕЙТРОНЫ и во ВСЕЛЕННОЙ, где угол света, скорости триста тысяч километров в секунду за таким же третьим прямым углом вдруг превратится в гигантский трём нашим измерениям неприсущий нуль. ПЛЮС. Цвета рвутся навстречу. Протягивают руки. Смешиваются. Сливаются в серо-буро-малиновый посмертный цвет.

¹ [Фаэтонг] [т] в конце слова по-русски читается (из Латинско-русского словаря И.Х. Дворецкого, около 50 000 слов, Москва, издательство «Русский язык», 1976 год, стр. 763).

* * *

О Прометей', к скале прикованный за подаренный смертным огонь,
Зевс, наказав, обрѣк нрав титана' на безумную муку бессмертных,
Царь бытия в руках весь Мир держит. Океании плачут: «Не тронь
Честь олимпийцев: страх, свет с вершины, власть, силу безграничную у
Первых!».

И друг, кузнец Гефест', из чьего горна огонь он похитил с зари,
Чтоб обучать рабов днѣм богов тайнам, сцепил его руки и ноги,
Кто, пусть с добром, сойдя из царств, сердцем жѣг под вечер звѣзд культуры, умри
Ночью! А поутру возродись страдать от новых вер, как их пророки.

В нас ведь Христос, Аллах, луч Ягхве да мантры Кришны — в огнях потолок —
Не к торжеству ли зол плач? А Зевс в обрядах предков, о, беспрекословность
Дух ослеплять! Кто жаждал в рай попасть, Гермесу' подражал, знает Бог,
Жѣг языком врагов, как Прометей, печень чью орѣл рвал за «греховность».

* * *

Глаз космоса взывает к вере как знамѣние крест-дар!
Дух-взбѣрванность не верит в счастье, коль помнится пожар,
Треск гѣрестных чувств, тонкость всуе, как тягостный кошмар.
Я прѣклятый сном грешных предков. Чей будущий удар?

Всѣ, молодость, взлѣт канет в Лѣту, величье красоты,
Льѣшь чувственно ты мысли в образ с надеждой из воды,
Жизнь зѣрева, лишь струйка страсти, ключ из пустоты...
Свет, мистика, да будет чудо с любовью без вражды!

Бог милует, боль душит сердце и чистит мой Астрѣл,
Он рѣшится, мне гасит разум за то, что оплевѣл
Мне радугу грех тела, слѣзы, где нежность он искал,
Что в пѣмяти звѣзд: сила первых грѣз как свѣточ-мадригѣл!

¹ Персонажи из мифических образов драматургии Эсхила' из пьесы «Прометей Прикованный».

РОЗА

— Ибо ты пока слишком мал, мой мотылёк,
Мне же великая любовь судьбою суждена,
А ты до этого ещё так бесконечно далёк,
Что вся твоя любовь мне просто смешна.
Ведь меня сам человек поставит к себе на стол,
Кроме него, никто не имеет права мною дышать.
Ты не по зубам себе, мальчик, добычу нашёл,
Уже если ты всё хочешь знать...

Скоро настал час, когда роза навеки прогнала мотылькa;
Она будет ждать достойного кавалера хоть век.
Настолько расцветающей розы любовь глубока,
Что поймёт её только сам человек.
Вот сам человек хочет сорвать влюблённый бутон,
Да, он с достоинством розу за стебель берёт.
Роза чувствует боль, шепча: «Это он, это он ...» —...
Стебель ей и душу рвет.

Три дня и три ночи колючая розочка, полная сил,
Наслаждала ненасытно хищный человеческий дух.
Но вот её аромат с пьянящими уж чарами остыл,
Да пламень горячий потух.

А человек, проведя с уставшим цветком третью ночь,
Поведал, что ради забавы он розы бутон сорвал,
Вот на заре он выбросил погибшую розочку прочь,
Чтоб цветок ему рвать другие цветы не мешал.

Непостижимый рок судьбы

Я видел, как в слепой пел голос óперный, просила
Так милостыню талантом редким, ведь чья сила
Отвержена под нищетой; мерила
Всех талантов, сроднившись с пустотой, жизнь хоронила.

Где жалким да бездарным кáста дáрит часто слáву,
Век в разных стéпнях владеют ею не по прáву,
От высших вниз проходит к обречённым на расправу,
По жизни, как змеёй, несёт спасенье аль отраву.

В ней с неба дар не рвался вверх, душа, что с гор ручей,
От детства всё струилась до седин в ночи очей,
Не знавших белый свет, до подаяния речей.
Я мог бы спутать с записью на плёнке голос чей.

Истоки «Утешения философией» и вечность

Град Рим', как челн с дырявым днищем,
Пятнадцать нам веков назад
В ночь гóтами позорно взят,
В крови рыдал над пепелищем.

Боэций' знал, что он стал нищим,
Как заступился за сенат,
Пред казнью всё ж творил трактат
Про ценности, что в безднах ищем, —

О философии — вне власти
Времён и перемен земных
С непостоянством в ложном счастьее

У судьб людей век им больных,
Частичная фортуна в пасти
Растущих жажд щелёй сквозных

Иных желаний: áли славы,
Иль наслаждений, что плоть ждёт,
Или усталость от забавы,

Где страх того, пред кем народ,
В рабах страшась расправы,
В безумстве буйств царя добьёт...

Счастливый видит, что Начало —
Сил всех Предвиденье, чем Бог
Продумал всё, а каждый вздох
Ведёт к подобию, как зеркало

Его ВСЕГДА, тех благ искала
Эпоха каждая, ум сох,
Всегда неся переполох,
От недопониманья стало б.

К небес Всевышнему познанию,
Хоть даже через адский путь,
Сквозь ощущение рвётся каждый,

Грех, в крах наказанный однажды,
Чтобы постигнуть Бога суть,
Шлёт также боль в судьбе к исканью.

Venátio¹ Fortunátus

Epitáphiu servilóris presbýtori

Quiámvis lónga díes brévis hic et hóspita lúx est;
Sóla támen néscit víta béata móri.
Hóc igítur túmulo Servílio cláusus habétur,
Nóbilis et mérito nobilíore pótens.
Ípse palatínam réxit moderátius áulam
Commíssaeque dómus créscere fécit ópes,
Présbyter ín de sácer mánsit venerábilis úrbi
Servítioque Déi líbera víta fúit
Órfanus hic pátrém víduae² solácia³ déflent
Únde mágis caélis gáudia véra ténent.

Венáнный Фортунáт'

Эпита́фии наибо́лаженнейшему пресвитеру

Коль длинней бы день был, краток да изменчив чей свет;
Ибо равнодушна жизнь святейшего к смерти.
Сам наиболаженнейший в могиле был здесь похоронен,
Знатен от рождения с целомудренной властью.
Замком — управлял — принца при дворе с умом он,
Возвысить заставил дома его — влиянья.
Пастырем стал святейшим, граду сохранил он почтенье
И в божьем послушаньи живший свободной жизнью.
Плач здесь у отцов, сирот, вдов об их кормильце,
Знать, он свыше неба благо правдой держит.

(Вторая половина VI столетья)

^{1 2} uí — [ви] ³ ii — [ий]

* * *

К проклятью в пытке ощущался смрад,
В шестом столетьи казнью Рим' объят,
От лангобардских мечей, оставив ад,
Чужим ушёл Венанций Фортунат'.

Коль жгли пожары у бродяг былых эпох
Закат поэтов, где последний вздох
Издаст носитель готско-римских крох,
У Муз' искавший в галлах, что даст Бог.

В ночь из последних римских могикан
Нёс миру память из забвенья стран,
В нём меркли: Кар', Овидий', Юлиан'
Над временем рабов вселенских ран.

Друг-Герман' из Парижа жизнь дарил! —
Ему путь ввысь среди смут и Муз могил,
Венанций Фортунат им признан был,
В творце узрел принц красоту светил.

Вот в век пластмассовой души взвой, волк,
Зверь-раб, отвергнув пласт из лет, умолк.
Стих уж ничто!... Мир — от первобытных полк
Уверит в мифах войн, не взятых в толк.

О варвар голливудских диких драк,
Пьёшь кровь, ведь это троглодитов знак,
Что хуже лангобардов козней. Мрак:
Лелеять культом не жиренье, рак.

Пусть я никто, мои стихи — не дым,
Не верить в чудо?.. В путь к местам святым!
Где, может быть, закатом огненным
Жизнь дарит миг под именем моим.

Мои стихи толпа предаст земле,
Но, от зари на огненном крыле
Влетев в мой мир, поймёт меня в золе
Мой Герман Франк¹ вдруг в озарённой мгле.

¹ Каждый спонсор книги.

* * *

At Phaë\|thón' ruti\|lós flam\|má popu\|lánte ca\|pillos
vólvitur || ín prae\|céps, lon\|góque per || áêra || tráctu
fértur, ut || ínter\|dúm de || cáelo || stélla se\|réno,
étsi || nón ceci\|dít, potu\|ít ceci\|dísse vi\|déri.
Quém, procul || á patri\|á, dī\|vérsō || máximus || órbe
éxcipit || Érida\|nús fu\|mántia\|que ábluit || óra
Náides || Hésperi\|áe trifida fumantia flamma
córpora || dánt tumu\|ló, sig\|nánt quoque || cármine || sáxum:
«Híc situs || ést Phaë\|thón, cur\|rús au\|ríga pa\|térni:
quém si || nón tenu\|ít, mag\|nís tamen || éxcidit || áusis».

(«Metamórphoseón» / Ovídius)

* * *

A Фэзтонт' запыхал, чей свет в волосах золотых,
и, закружившись, нес воздухом в красках шлейфы,
в пропасть он под звездой летел, чтоб упасть, с небес звездам
не падение то, но он падал, взирала звезда, как
чуждый от родины ждал вдали схватить сироту ту
и без начал Эридан', омывший края белого света.
Нимфы' Геспэрии' пламенем, дымом, острым трезубцем,
в склеп прах телесный низвергли там, где на скальная надпись:
«Тут погребён Фэзтонт, с ним небес отца корабль,
хоть всё же разбился, лихо в мир жребий он бросил».

(«Метаморфóзы» / Овídий)

* * *

Перерождал неорганику сам в себя, как шар-разум,
любил меж Юпитером' да М́арсом' светом мыслей:
макросознаний жизнь: поток силы, Солнцу — дар в подспорье.
Свершился от искр взрыв. И с бесконечностью всплесков
идей из Вселенной вдохнуть сумел мозг-пульс в Сату́рн,
плазмой наследью пылать! На трёх планетах
любви из цепочек жизнь Фаэ́тонт зародил ту, что корни пустила.
В нас воплощён Фаэтонт, посланцем корабль-подарок,
он спас и атлантов, что вечно должны без грехов покинуть Землю.
Кроманьóнцам' возваньем от звёзд — Райский путь к печали
Атлантиды четырнадцать тысяч лет тому назад
без конфликта с жестокостью щит от зверств создавали
ближе к Богу, чем нынешних души, гнавших к паденьям² ад.
Зла с добром битв бессмысленность часть землян свелá с умá,
превращённых в животных грех-память, что печь, остыла,
сердцу, духу очищенных космос — счастье, Земля — тюрьма.
Мóзгом уж преображённым промедление — могила.
То атлáнты покинули Землю, как врагов, взорвав
цепи цивилизаций, их время замкнули, в море
континент потопив, без зверинств: «виноват иль прав»,
жить вокруг Сату́рна' в кóльцах, созвездьям вто́ря.
Но Мута́нтами тайно спускаются они сейчас
без вмешательств в бой у тварей потóмков и природы,
в год суда катастро́ф, как тех предков, в мир звёзд взять нас,
несмотря на мозг, дары, взгляд, возраст, вёры и народы.

¹ [Фаэтонт] [т] в конце слова по-русски читается.

² Большого, единого быть не может физически.

Луч

В молодёжном проснувшемся баре собралась толпа,
Там, где рваный голос сожрал металлических частот поток.
Там, где в светомызыке сотрёт все с лица поддрых суета,
Марионетками управляет Металл-Рок.

Девушка с цветами из металла ищет пару себе,
Чтобы выбрать бандита гаже, чем мрак, среди парней,
Продать любовь мертвецу в симметричной смешной игре:
Лишь тому, кто в земном аду всех подонков блатней.

Вот меня на закате дня полосанёт зигзаг фонаря,
Разом куклы заметят все: нестереотипный мой лик:
«В нежном гное утопите быка, козёл живет зря!
Душа не должна жить в этом гаде!» — раздался крик.

— Молю я вас! Не надо! Пусть мою личность убьют! —
Так я закричал, — Я должен под стерео Рок плясать...
Тут же я глухну и слепну, вкусив стереотипа уют,
И подобных себе я принимаюсь с азартом топтать.

* * *

Цивилизаций ритм у техногенных монстров
Подвластен мозгу первобытного зверья,
Земля взрастила полутварей — нас, как остров,
Здесь время нежит Фазтонта¹ дарство зря.

Власть обезьян у вер слепых в богоподобья,
Как в синантропах, спинным мозгом давит месть
И ищет оправданья культов у надгробья —
В святынях предков: ход из Тóры, где нас смесь.

И где родишься ты, знать, ту и примешь веру,
Язык, обряд, грех, вкус, дух, музыку, судьбу,
Богатство, бедность, а к злу с добром такую меру,
Какую с детства ты и унесёшь в гробу.

Не спорьте, о мулла, раввин, священник, лица
Душевно против лишь того, кто разграничил мир,
Да побуждает в каждом стানে не мириться
С людьми другими, не как «Я», ибо им чуждый «МОЙ» кумир.

Коль бы Владимир-князь не приглашён был прямо
В зал царств, а после в сам святой Софии храм,
То Русь могла бы встать под месяцем ислама,
или католиками пришлось бы зваться нам.

¹ [Фазтонт] [т] в конце слова по-русски читается.

* * *

Скорбь римлян гласит: «*Súmmus hómines et non déi*» —
[«Сúммус хóминес эт нон дэй»] —
«Мы люди, не боги». Безвременье у людей,
Как вечность и звёзды, квадрат и круг идей.
Над дарством у памяти и веков и дней.

* * *

Душе моей хотелось ощутить скорость света,
Маг-светило вам подарит святую силу с небес,
Или я танцую в содроганьи от людского бреда,
О, как доказать, что непроходимый лес

Вокруг моей жизни с фиолетовым платьем рабыни,
Чьи реки бегут от рожденья к озёрам смертей,
Когда я мою лицо безумных чувств, открытых ныне,
Я о детстве забываю да ухожу в бой идей.

Когда я воображаю, я падаю в гигантских глазах нормы гадкой,
Абстракция вот вам командует: «Остановите падающий снег!».
Ведь уснувший час один превращен в лет бездарных десятки
С жаждою улететь в одиноких улыбках смертных рек.

* * *

Тайна древностей старого града,
мудрость памятных надписей в камнях,
ныне вечные ценности Торы —
звёздный час Иудеи цветущей.
Песни песней огонь к Возрожденью
верам трём запылай сном столетий,
чтобы голос еврейский прорезал
ночь народа — молчанье иврита.
Даст кто на растерзанье безумцам
свет, что жаждался да воплотился
кровью именем с таинством Бога
кругом зверского, полого мрака?
Гимнов музыкой в радужном блеске
царствуй нового зарева Богом
Моисея' народа — город,
всепрощающий силой высших.

УТРО

(1)

Утро.
Существа, что покорят мир.
День.
Всемирный потоп.
Вечер.
Человек — вампир.
Ночь.
Пророк.
Утро.
Штамп в стихах.
День.
Миллиард дорог.
Вечер.
Неосознанный прах.
Ночь.
Внезапность, рывок.
Утро.
Слепящее солнце взошло.
День.
Не остывшая кровь.
Вечер.
Лгун. Помело.
Ночь.
Исход-любовь.

(2)

День — ослепляющий пыльной серостью свет.
Ночь — каменный звёздный барак.
День. Ночь. Так целый век.
Надежда: мне знаком опознавательный знак.

Метнулась чья-то тень.
Счастье. Но... как далеко.
Ночь. Утро. Сегодня явится долгожданный мой день.
Вспышка. И опять ничего.

У меня опускаются руки. Но кричу из последних сил:
«Вот последняя преграда. И! Я увижу жизненный рай!
... Наконец-то! Ура! Я победил.
Счастье, нашёл тебя, знай!»

Но вот
я
на ровной площадке. Нет больше каменных стен.
Да, счастье, я рвался к тебе неспроста.

Рай — мираж.
Человек — манекен.
И пустотá,
Пустота,
Пустота.

* * *

Харкает чёрной кровью народов мудрость:
«ТЬфу, сегодня оставила треглавая идея
В раскалённой пустыне со змеями, грёя,
Тухлую старость, взрослость и кривую юность!»

Да, русская речь расстреляна жаргоном,
Но в каменного идола последним патроном
Стрельнула гашишем накуренность.

За наркоманом тащится кислый запах.
Лжедезодорантом так мертвечина носы свербит —
В аду; сатана ржет: «Гонорéя, а тут Спид?»
Человечество в дьявольских лапах

Шевелится, шамкает синими губами,
Вспоминает с горькими слезами
Про иго детства в уборных затхлых.

Вечность Микелáнджело Буонаррóти' и жизнь

В скульпторе художник, взгляд веко́в в хромо́м поэте
Писал для стен бессмертье. За áлчной властью светской
Восемьдесят девять лет, томясь, жил те́м на свете,
Что миру дал он трёх Муз' рук талант с нежностью детской.

Вот удар в нос да крах чувств в жизнь вживили жало
В шок-жар до предсмертных дум, что и в наше время рэзки.
Жив творца слог, на три ве́ка испещрён сначала,
Зри, время, в скульптурах да на полотнах грехов всплески.

Два года он, как Лорéнцо' гость, платонизма воплощенье,
Сравнил там и ничтожных вопль, и путь Дáнте', как знаменье.
Кто избран вонзать в искусство жизнь, спасённый от наважденья.

Стыда круг, ты — прекрасных плоть, восторг, верность, очищенье.
Даров клад у Виттории Колóнны' жажда прочтенья
Зажгла им лет на десять очаги умиротворенья.

Песнь Чайке, Ларисе, красавице посвящается, с сердцем музыканта и поэтессы

Побеждай в себе ты капризную девочку, Лариса, просто,
Загляни в Астрал свой безгрешною радостью юно и взросло,
Изгоняй огнём ночь заутренней свежестью нежно, не грозно,
Разрубил чародей люд безверием, слабостью глупо, нервозно.

Разжигай костер чувств поленьями искренне, горечь — могила?
Сатана познать дал обидою ненависть, гордость — не сила.
Апогей мечты — взлёт в раздумии внутреннем. Мир ослепила
Красота Сирёны' в сомнениях памяти. Всё жизнь простила.

Океан огня — дух с доступностью к вечности в музыке света,
Пустота сердец — зло, закатами жуткими счастье одето,
Усмири обид взрыв безмерностью тонкости, взором Вселенной,
Идеал добра — ключ к забвению болей всех, ибо боль — тленна.

Бездонна вечность! Есть лишь разночтенья у стихотворенья,
Подарки божьи лишь от звёзд, чьи жженья творят сужденья.
Афродита! — ты! Грусть в отраженьях и небеса дня.
Упал я с коня, ведь шёл призраком, цепью звеня!

Закон рабства

Проклят Брут' за то, что он нёс свободу
Для рабов слепых, не себе в угоду,
Право выбрать дал срамному народу,
Не взял вожжи царства!

Если б променял он честь на коварство!
Ненависть изжить есть одно лекарство —
Грозный страх за жизнь перед львиной пастью,
Что льёт кровь со страстью.

Кто Свободу вёл, дьявольской напастью
Осквернён, увы, как Брут в аду Данте'...
Вечно побеждал мелочный гиганта,
С них рождала жизнь классики мутанта.

Не из-за звёзд, а из-за черных дыр фатальность поэтов

*«Ūnus díes grádus est vítae»
«Sémpet obóedias ratióni,
núnquam cupidítobus».
«Vívete est cogítate».*

*«День один — это шаг жизни»,
«Вечно рассудку подчиняйся ты
и никогда пристрастиям»,
«Жить, то ведь — размышлять».*

Как звёзды, красота и уродство в людской жизни многогранны,
И, преломившись, свет срежет в подсознаниях угол тупой.
Коль сердце и совесть чисты, любые изгибы гуманны,
Порою жарко, когда кру́жит метель и холодно в зной.

Аскеты предложили: «В чувство вы сыпьте песок старой лопатой»,
Да, странным нищим поэтам свободной любви смысла не имеет ждать.
А на экранах, как издевательство, мужичок, слегка седоватый,
Им жалуется, что везде секс, что, мол, хватит народ развращать.

Аскеты предложили: «В чувство вы сыпьте песок старой лопатой»,
Да, странным нищим поэтам свободной любви смысла не имеет ждать.
А на экранах, как издевательство, мужичок, слегка седоватый,
Им жалуется, что везде секс, что, мол, хватит народ развращать.

Им! Безбородым, мечтающим, гибнущим, как призрачным теням
Ногти грызть нужно, десять лет в столах ночи драть свой член!
Лишь тогда падаль фригидная спустится за растроченным гением,
Чтоб за щетинистую харию стащить во мрак насовсем.

Demetriada littera

Néc mírum hoc de homínibus crédere
cum donis ípse temptátus sit et de Abrahám
scriptúra testétur quod Déus
témptavérit cum quam ob ea úsa
et apostólus lóquitur.
Gaudéntes in tribulatióne et
scientes quod tribulatio patiéntiam
operátur patiéntia probatióne
probátio spem, spés
áutem non confúndit.
Étiam álio lóco,
quis nos separávit a caritáte,
tribulátio án angústia
án persecútio án fámis
án nudítas an perículum
án gládius sic-ut scríptum est,
quía própter te mortificámur
tóta díe aestimáti súmus út oves
occisiónis.
Ét Isáia hújus módi hómínes cohortátur.

(Iaerónimus / 400/ quadringentésimus/ annus)

Деметриаде' письмо

Нe dívo в это так людям веровать,
дарованием сеím испытан был и сам Авраám,
писание свидетельствует, ибо бог
подтвердит; как то в вере востребуется,
и апосотол глаголет.
Радостно в изнемождении и,
мудрые в томлении,
так воспитывается могущество испытанием,
испытание надеждой, надежда
с другой стороны не сбивает с толку.
Так же ведь в другом месте,
что нас разделяло с любовью божьей,
томление к трудностям
к гонению, к голоду,
к обнажённости, к опасности,
к мечу, как было нам предписано,
что пред тобой себя губим
почитаемые мы, как агнцы
при умерщвлении.
И Исáией подобным образом люд убеждается.

(Иеронím. ' / 400 год)

А

Что, как Ничто, пред глазами твоими влечёт озлобленный вихрь?
И это всё, как Ничто, зажжёт огни и утопит в слезах жизни отказ.
Зря разорваны в клочки и сожжены в сумерках стихи твои,
Ведь Абсолют огня бытия дышит мыслью без фраз, враз

Взмах палочки дирижёра пустит оркестр в пляс,
А жёлтые шарики, ангелы под потолком зала и в крови
К небесам вознесут сознание, только их позови,
Над пропастью между жизнью да смертью входящих в экстаз.
Энергетический голод в теле, и холодные мурашки,
И закрытые двери, а на них слайды жёлтых и красных колесниц
Глушат оркестр, душу топят, мне до смерти страшно:

Грёзы в позорных, сверхосмысленных глазах заставят пасть ниц
Перед неведением. Мозг многих людей — подгоревшая каша,
Которую мешают грубые руки простодушных тупиц.

Б

Которую мешают грубые руки простодушных тупиц.
Которую съедает душа с соблазнительным кайфом,
Эту ложь, кашу-мозг, которую называют Вселенским Раём,
В геометрических степенях связей пресвятых единиц.

Звенят образы. Встают из забытых веками гробниц
Неудовлетворённые тени, о которых почти ничего не знаем,
Не бойтесь световых голосов призраков, лишь краем
Уха их токи услышите, как трели межзвёздных птиц.

Симфония Бёрга слилась с многозвучием красок.
Стар и молод звук мёртвый, но живой.
Глазом неба кораблям жизни шлёт звёздный разум

Любовь зелено-жёлтой телепатической волной.
Когда нормальная жизнь гасит романтику разом,
Тогда тело уносят под землю, душа обретает покой.

В

Тогда тело уносят под Землю, душа обретает покой,
Но сейчас мне уж двадцать три года, вечно я словно бы последний,
Чего бы я ни достиг, я кажусь нищим родственником в передней
Младшим и старшим братьям, сроднённым с пустотой.

Чёрный свет и яркая мгла вечно меня гонят долóй
Из карма бегства по городам за призрачную феей,
Которой нет и не было, перед временем не робею,
Мне пятнадцать и семьдесят девять лет, скомканных за спиной.

Хватаюсь за каждый выступ при побеге без возврата,
Гашу передние фары. Знакомы капризные ноты: А куда идти?
По булыжникам из окаменевшей крови! Ей так надо!

Приземлённый обыватель! — Бог в страданиях душу хочет спасти,
Когда пляшут в трёх кругах птицы, ленты и людское стадо,
Крутится диск; антенну добра, о Боже, ломать прекрати ...

(1993 г.)

* * *

* * *

Quí serer' íngenuúm vólet ágrum
Líberat árva priús frúticíbus
Fálce rubós filicémqué resécat
Út nova frúge gravís Céres éat
Dúlcior ést apiúm máge lábor
Sí malus óra priús sápor édat
Grátius ástra nitént, úbi Nótus
Désinit ímbreferós dáre sónos
Lúcifer út tenebrás pépulérit
Púlchra diés roseós ágit équos
Tú quoque fálsa tuéns bóna priús
Íncipe cólla jugó rétrahére
Véra dehínc animúm súbiérint.

(Boétius. Ex "Consolatio
philosophiae" libri tertii)

В дéвственном поле кто сеять хочет,
Землю он от сорняков очищает,
Куст ежевики и серп косит скорбно,
Снова Церéра вперёд гонит к жатве.
Сладок губám сельдерей в голод горький,
Ведь, то кошмар, растерял вку́с уж люд впрямь,
Звёздный приятен коль гром, если Нóтом
Кóнчены грохоты гроз пред дождями,
Бурю тогда Люцифёр пусть разбудит,
Так в день чудесный вперёд выйдет лошадь,
Так и взгляни на добро лживых раньше,
Стягивать с ше́и ярмо́ чтоб решиться,
Правда подни́мется пусть сразу в ду́шу.

(Боэций. Из «Утешения
философией» книги третьей)

(конец 523 года)

Сонет Мánлию Северину Боэциу', творцу и учёному, казни 524 года

Римский папа Григорий Первый' через век к слезе восклицал:
«Где теперь наш сенат среди Римлян? В кошмарах Рим' Древний пал!».
Взлёт поэта! Ибо Восток воспел вслух Его вассал,
Теодóрих' — Боэциу с плеч срубить го́лову приказал:

За восторг столицей Византии'. В мёртвых бывших дворцах —
Римских светил казнь! А мрут на Муз' надежды в чутких сердца́х:
В латинских трудах Боэция — то варвар в средних века́х
Аристóтеля' с Платóном' сумел узнать, держа в руках.

К Теодóриху прёжнему мёртвой рыбы головой
К нашей смертности — Симма́х', творца зять с искренней душой
Над ухой вознёсся, чтоб скорбно позвать за собой.

Вскоре умер в безумстве Он, Теодóрих, мрачно с мольбой.
Две личности... Поэт., с кем полководец — вёщей судьбо́й
Узел страшный сплетает у жизни смертью — грехо́м немой.

Евлóгий и Даниил из преданий Византии

Жил Евлогий-камнесéец, пóтом зá день зарабатывал керáтий,
Так всегда он вечерами с пылом беднякá за стол голодных
Всех скитальцев бескорыстный — сёрдцем на ночлег звал в кров к себе, как братьев,
Вдруг бездумно Даниил стал, как за святых да богоугóдных,

За Евлóгия ручáться, и в день хмурый клад в скалé того богатым
Сделал, свéточ пусть во имя божье тратит всё для блага бедных.
Имя Бога предрека́ло: «Пóмни, что ему богатство с властью адом
Обернётся, с чем померкнет луч добра без слёз в делах победных».

С драгоценностями да при злате уж в Константино́поле Евлогий,
Позабыл о давних скорбях, гонит Даниила в шею прочь вон
От Египетского дома: «Ты мне тут к позору, жалкий раб убогий,
Поп пресвитор града Скита, у Епáрхий близок мне царя трон!».

И лишь избранно безгрешным от рождения богатства — не кончина,
Кто-то с детства до смерти чист, словно ключ для родников хрустальных,
Да кому-то душу очищает с бедствий слёз в страданиях кручина,
Как везенье превратит сердца слепцов в рабов грехов астральных.

Даниилу стало жаль евлогиеву душу; о прощеньи старец
Принялся молиться Богу, чтоб не дать пропасть ей средь жертв аду.
Заступился за добро, — тем хищнику он в пасть засунул палец,
Умолял святой Евлогия судьбу падением спасти в награду.

Сила неба: мирозданьем кару дарит Даниилу во сне судном —
За бездумные поступки плетью принимая наказание,
Порученье снял: и к заговорщикам пришёл Евлогий ко дню смуты.
Василевс тот бунт разбил, тут же Евлогий в рабстве у скитанья

Всё отдал, лишь убежать бы, возвратясь туда, где жил, свой крест таская,
Да сказал друзьям, что к Богу шёл всё по пустыне Иудей,
А искать клад продолжал, но тщетно. Даниил, про зло не вспоминая,
Ведал, что к себе люд вновь звал, молвил: «Брось ты детские затеи».

* * *

Пусть из-под пальцев Ваших зажёгнется музыка цветами,
Которых нет в радуге, а сердцу нарисуют они узор,
Чтоб, как с композитором, Бог с Вами завёл разговор,
Будьте такой, какой видеть себя захотите Вы сами.

Пусть классика с модернизмом вечно так парят над Вами;
Как взлёт мысли и бездна дух окрыляют с вершин скалистых гор,
Так же и Вы запишите, о чем поёт в Вашей душе хор
Чувств, что несётся ночью в медитации над городами.

Вы крыльям порадауйтесь, будто восторженный нежный ребёнок,
Пусть панорама созвездий Вам укажет Ваш путь,
Вы поверьте лишь, что Ваш Божий дар так романтичен и тонок,

Как рисунок стиха. То в музыке свет. Ему нельзя уснуть.
Госпожа, поймите, нынче лебедь — и гадкий утёнок.
Вы же профессионал. Верьте в себя. Дышите в полную грудь.

* * *

Спускаются, так закрываются, горящие цветами, осенние
Вечера.
И остывают за день нагретые крыши.
На город не ложится звёздный покой.
Всегда летит Завтра на смену Вчера,
Не простятся даже пусть солнце с луной.

Спускаются, потом закрываются тысячи горящих
Эпох.
Человек? — Он всё рисует свой первобытный
Абстрактный сюжет —
В разноцветной улыбке:
В сознании оправданный вздох
Всесильного — «ДА»,
Но и мудрого «НЕТ».

* * *

Спичка вспыхнула. Погасла. Не фантом кто, оглянись...
Увидишь на её почерневшем конце остывающий прах.
От неведения одуряющего хотя бы на мгновение очнись,
Ты почувствуешь сконфуженный, невольный страх.

В микромире: секунда — это эпоха огня.
Хоть секунда в твоём представлении — миг.
Абстрактно никогда уж не поймешь меня,
Ведь ты лишь от «А» до «Я» мыслить привык.

Судьбе миллиардов простейших спичка как взрыв,
Ты спалил тысячи поколений, за кратчайший срок
Целые миры тем в углерод превратив,
Для нас всего одну только спичку зажжёт.

Оглядываясь назад, вечно смотрим вперёд,
Пытаемся в прошлом найти понятный ответ,
А найдет его, к сожалению, в избранности тот,
Кто первым покажет иллюзорный рассвет.

Ибо мгновенная вечность — никем не осознанный миг —
Жизнь вся на ничтожной, но гигантской Земле.
Ведь кто поймёт, насколько наш мир примитивно велик,
Спичечный коробок тот воспламенит во мгле;

Он с ответственностью на нуле.
Таинства неограниченной власти постиг.

* * *

Рòscia che Constantìn l' aquila vòlse
contr' al còrso del cièl , ch' ella seguìo
diètro a l'anìco che Lavìna tòlse
cènto e cènt' ànni e più l' uccèl di Dìo
ne lo strèmo d'Euròpa si ritènne,
vicìno a' mònti de ` quài prìma uscìo;
e sòtto l' òmbra de le sàcre pènne
governò 'l mòndo li di màno in màno
e, sì cangiàndo, in su la mìa pervènne
Cèsare fùì e son Giustiniàno
che, per volèr del prìmo Amòr ch' i'sènto
d'èntro le lèggi tràssi il tròppo e 'l vàno.

(Dàlla DIVÌNA COMMEDIA di Dànte
Alighièri, PARADÌSO, dal VI /sèsto/ Cànto)

* * *

Вбыт Константина' ввысь взмыл орёл короны
против хода небес, в древность клюв всё же
следовал за тем, кто взял Лавину¹ в жёны,
больше лет двухсот там держалась птица божья,
на границе Европы, где крутые
вершины, — царств сдревле исход от их подножья;
Под тенью крыл чьих, чтя перья святые,
управлять с ней из рук в руки великанам,
стал с наследством моим орёл во дни былые,
Цезарем' был я, зовусь Юстинианом',
чем, чтоб желать, я первой Любовью чую,
как изнутри обновить законы странам.

(Из БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ
Данте Алигьери, РАЙ, из VI /шестой/ Песни)

Правил в граде на Босфоре
Византийский свой Траян',
Средизёмное взял море
Скипетром у разных стран,

Возрождав былую славу,
В войске чинно принял Рим!
Дал знать варварскому нраву:
Глупость жалких — драться с ним.

Привязал сам к трону властно
У мидян' царя: «Dagás!» [«Дарас!»] —
Мол, — «Отдашь всё, что напрасно
Бился ты урвать у нас!»

Из законов царь нелёпость
Устранил в благих правах.
Воспевал поэт с ним крепость
В граде каждом — мощь в боях.

Велизарий — полководец
До испанских берегов
Зорко зрил, чтоб инорóдец
Не шёл биться за врагов.

¹ Лавина, она же Лавиния, вторая жена Энея.

*По юстиниáнской' воле
Встал святой Софии храм.
Взвыть мне хочется от боли,
Что грозит творцо́в дарáм!*

*Силентьярий' Павел в сло́ге
К пёсням сла́вил храм ночной —
С фаэто́нтовой дороги
Образ — буквой неземно́й.*

*Сладкопéвцем, то, Рома́ном'
Кóндак-стих народ читал,
Страна мнилась океаном
Без конца да без нача́л.*

*Кто тогда лишь смел предста́вить,
Что заморский сарацин'
За полста лет смог возглавить
Армию простолюдин.*

*С верой новой средь пустыни,
Лет за тридцать чтоб отнять
Африку и все святыни,
Где Христа родила мать.*

*И в одиннадцатом веке
Анатóлии' уж нет!
К злу текут, как прежде, ре́ки,
Где, мулла́, встреча́й рассвет...*

*Зря к кресто́вому походу
Возбуждался греков пы́л —
Турцию вернуть в угоду
Войску ита́льянских сил.*

*Папа Иннокéнтий Третий'
Положил на Ца́рьград глаз,
Но в трина́дцатом столéтьи
Верил во́рвар в его сказ:*

*«Православных весь акрополь,
Театры, ипподрóм — в грехах,
Стату́й раб, Константино́поль'
С самозванцем прячет страх*

Пред като́ликами Рима,
Где царéвич Алексéй',
Власть злодейств преодолима,
Плыть, чтоб расквитаться с ней».

Века полтора Царьграду
Слал указы папства трон,
В ссоре просто вёл к распаду,
На столéтье, словно сон,

Царегра́д освобождённо
Одино́ко дань платил...
Он в огне погиб зловонно,
Магомету став вдруг мил.

Там мечети в минаретах!
Может и такой Москва
Станет в горестных куплетах
Через семь веков аль два?!

На востоке тьма китайцев!
Юг — талибы, бьёт Чечня!
Волк голодный хочет зайцев,
Русь ждёт ночь к закату дня!!!

Никогда не знав Россию,
Я влюблён в неё душой,
Жил ведь в ЭСЭНГэ, в грязи я,
А сейчас бегу долой.

Лишь в Израиль, как в дым греки
На Венецию в ночи...
Русь вдали!.. Вокруг узбеки'
Вторят: «Хочешь жить — молчи!»...

¹подразумевается не великий узбекский народ,

ЗАЧЕМ РАБАМ СВОБОДА?

Вон дым марихуаны поднимался тоненькими кругами,
Не курящим её захотелось блевать, не кашлять.
Как, господа курящие, вам прикинуться дурачками?
Пластилиновой перестройки дочь — плод не ваш ли?

Ах, обманутые вождём Мао Цзэ Дуном! хунвейбины!
Вы подражаете, республики патриоты-националисты!
Людские надежды разобьются да растают, как льдины.
Чтоб возродить их, вспорят животы экстремисты.

«Вставай, проклятем заклеимлнный!..», — воеет коммунистов братия.
Ей в кайф, что обстановка в стране, как чайник на плите, накаляется,
В дыму почти задохнулась рабов перестройка, демократия.
КГБ «подотчетное» в кавычках зло, при этом мудро улыбается!

Мы все увидели: ОГНЮ в обе щеки здорово треснули,
Необходимость во введении комендантского века ещё не настала?
КГБ пока всё всем разрешает, да и помалкивает вежливо:
«Вы сами помощи попросите в хаосе ЭСЭНГЭшного скандала...».

Ты, гитара, немая гласность, играй, и твои струны не лопнут,
Ведь ты в публичный дом гулом Рока заходишь невесело.
Продается, братва, свободно гашиш и опиум.
Ах, гитара, ты — пизда шалавы бесплодная,
Скажи, а маковые поля у тебя откуда в общем-то?

* * *

Вы стучались, Вас не впустили в дом.
Но увидите же мир Вы вверх ногами.
Радость и печаль упорхнут с годами?
А жизнь разбавится жизненным сном...

«Sid ut sunt, aut non sind»
«Будь каким есть иль не будь никогда»

В стране нет легендарных фей,
Зато размалёванных девок сполна,
Которым нужен мощный кобель,
Тут же постель для валютного сна.

Их грубо смеющийся рот,
Что полон прокуренных
Да подвыбитых чёрных зубов,
Какого по счету поцелуя ждёт

После утёртых плевков?
Плюнь, заплатив, да разотри,
И ты всех на свете из мужиков
Станешь ей милее,
Ибо купаться в вонючей крови —
Основное хобби у блядей.

Вот чистая девочка, чтоб найти
Парня, мажет лицо, курит «Опал»,
Чтоб впечатление кайфа произвести,
Чтобы Зверь-Он её увидал.

Вот мальчик стоит, стесняясь белой руки,
С надеждой скрыть неосознанный стыд,
С горки бежит по блатному пути
И чистым хайлом чью-то мать материт.

Но что останется делать тому,
Кто плюнул на всё, тем создав идеал?
Скитаться придётся весь век одному
В слепом ожидании начала начал.

* * *

Радиоактивной судьбой ползут с развязанными глазáми,
Когда над мёртвым сердцем оранжево-синий снег пойдёт?
Слишком скоро завоет скорбь о «социализме наоборот»,
Ругай, иль хвали ты ЭСЭНГЭ культурными да нецензурными словами.

У наследников безвластия с красной звезды упала свобода к совкам
Воспели лидеру хвалу! Оглянувшись, ожили бродяга, фарцовщик и прачка.
Видят жизнь-змею, им мерещилось, что свобода — подачка,
Зажгутся в генах пещерные чувства, зажаждется крóви глазам.

Встаньте, бьют уж и лидера павшего. Я тут же смолк. Что ответить?
В мутных глазах застыли слёзы, в тепле́ что превратятся в гной.
Из антимира дýхи палачей горем почти за каждой спиной.
Увы, подобным, всем драконьим рабам счастье ведь не светит.

Contra epicuréos

Рarcús deóum cúltor et ínfrequens,
insániéntis dúm sapientíae
consúltus érro, núnc retrórsum
véla daré atqu' íteraré currus

*cogór relíctos: námque Diéspiter;
igné corúsco núbilá divídens
plerúmque, pér purúm tonántes
égit equós volucrémque cúrrum,*

*quo brúta téllus et vága flúmina,
quo Stýx et ínvisí horridá Taenári
sedés Atlánteusque finis
cóncutitúr, Válet íma súmmis*

*mutáre ét insígnem áttenuát deus;
obsúra prómens; hínc apicém rapáx
Fortúna cúm stridóre ácuto
sústulit, híc posuissé gaudet.*

(Quíntus Horátius Fláccus
/Annus 30 /trigésimus/ante Christum Natum)

МАСКАРАД

Праздник для душ, ночной Маскарад
В океане огней утонул.
В сердце пал разноцветных искр град
Под монотонный, бездарный гул.
Маскарад у рабов больше, чем Бог.
Кто человека азартом взбодрил,
Открыл подсознаниям сотни дорог
И маску добра подарил?!
Маскарад сменил выражение лица.
Человек нашёл маски под цвет фонарей.
Маскарад всё вернёт на свои места
В стране разноликих теней.
Как подобную ночку прожить?
Но Маскарад ничего не сделает зря,
Коль с этого маски начнут душисть,
Как заалеет по воле неба заря.
И померкнет мираж в свете первых лучей.
Застывшие позы встретят рассвет.
Спалит лик солнца безликих людей,
Не знавших в ночь-жизнь понятия «НЕТ».

Против эпикурейцев

Богóв поклонник редок; при слабостях
в безумствах, но всегда он и в сознании,
ошибкам внял вновь; знать, как раньше,
свет брось дарить, чужих повторявшим взлёт,

*погонщик вдаль Юпитером'-батьюшкой,
сверкнуть летел, в раздоре, как на туче,
у многих; небом-громовержцем
гонит коней, окрыляя в скачке,*

*и сохни суша, текла чтоб реченька,
чтоб Стикс' страшился врат, света русел адских,
трясись трон на земном краю;
где сам Атлант крепнет, — тяжесть свода*

*чтоб сдвинуть, но тогда прозреть, бог убеждает;
наш танец, гасни; алчность короны здесь,
Фортуна зла, ад в шипеньи жаривший
прежних собьёт; млели, лёжа, те.*

(Квинт Гораций Флакк'
/30 год до нашей эры)

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПЕРВОЙ МОЕЙ ЛЮБВИ

Бесполезно прятаться от лавы вулкана,
но слово не вернуть, не смыть его позора,
думал одно, говорил другое. Скоро ж
лопнет струна обмана.
Вон украденный рассвет! Держите вора!
Красочная жизнь, солнце застало
длинные нити любви конца у начала,
что сплетут теплоту укора:
«Оскалом боли, волей секунды
вспомни, ненавижу
любовь и я глупую...». Тише.
Радужного нет утра

Посвящаю красоте души Кудáшевой Елены

Ах, время,.. Осознать жажду космос души твоей.., Елена!
За то, что не мог твоего сердца мудрость узреть, тебе измена

Надолго одному скромно существовать приказ отдаст. Гиена —
Страсть! Юность, знать, слепа... Ведь я тебя не домогаюсь ныне.
Ты — символ для меня. Как одинок я, чародей в пустыне.

Ты первой приняла мир мой ещё до того, как в загоне
Для грешных оценил соль серых дней я.., чей чад ироний

Судьб: глаз, смеясь, слепил мне? Каюсь пред тобой в прозревшем стоне.
Коварной жизни-зоне

Кáрмой в космосе умела
Мне погрешности прощать,
В юном дурне оголтело
Отверг свыше благодать.

Третий глаз с тобой впервые
В вечность дал мне заглянуть!
Нимф воззванья огневые
Гнали прыть на ложный путь.

Я оглядываюсь жалко
На концертный зал с тобой!..
Десять лет назад фиалка
Послана слепцу судьбой.

Рано посланный мне в душу,
Ты — тот высший был мне дар.
Выбрал вместо моря лужу,
Чтоб потом взирать кошмар.

Глупый отрок в моём теле,
Надышавшись тобой всласть,
Лгал тебе на самом деле,
Не страшившись в грязь упасть.

Наказанье шло от Бога,
В лужи с тухлою водой,
Не представить: сам как много
Окунался раз башкой.

Пред экзаменом последним
В школе для талантов ты
Отдавалась моим бредням,
Строя замки из мечты.

Счастья же тебе, Светило,
Благородство каст богинь,
Тебя сердце окрылило
На безоблачную синь.

Заграбастал твоё время,
Ты всегда была светла,
Не заметила ты бремя,
Страсти иго в детстве зла.

* * *

От поцелуя спички загорелся в поле костёр.
Всю ночь в ожидании зыбкой любви
Он с красной тревогой глядит на звёздный узор
Да душе говорит: «До утра подожди!».

То трещит одиноко, то пристально ждёт,
Катятся смолки-слёзы и тушат весь пыл,
Шоколадная спичка снова душу зажжёт
И он не жалеет последних óгненных сил.

Но никто не подходит, а от жажды костёр
Медленно гаснет в одиноком жáре ночном.
Останется в искрах-звёздах щемящая боль
Незаметно в угольном порошке седом.

А неизвестный путник присядет к костру,
Покуда плазмы душа ещё не сгорела дотла,
Любовью пусть испечет картошку к утру́
Уставшее сердце — слепая зола, куда жар жизнь привела.

1986 год

* * *

Чтобы не был вдруг задет
В словосочетаньях бред,
Графоманов высший свет
Себе равным даст ответ,
Их безжизненный скелет,
Как стал в злато разодет?

«Вы, стишочки ни о чём,
Древа почки пред ключом,
Ослепляющим лучом
Лезьте в царство, хоть бичом,
У безвластных палачом
Станьте славных рук мечом.

Для цветенья ерунды,
Чтобы избежать беды,
Средь пустыни чехарды
Стройте очередь в сады
Муз... — для жаждавших воды,
Ставшей поводом вражды».

* * *

Вселенский образ Грецию покори́л всецело,
Раскрепощённость в сознании тысячелетья горела,
Эллады крылья — дух человеческий без предела
Афины в славе освободил для глаза тело.

Повсюду приняли то, что необычайно
В глазах Платона да Сапфо́, где вечность — тайна
Эпику́ра да стоиков в стихах и в прозе.
Самопознания, чтоб открыть дар людям в крайне

Жестоких схватках с персами, в давней угрозе,
До сих пор сла́вится, как отчаянно
Мерцал Афины — град идей, подобный розе.

К ДВУХТЫСЯЧЕЛЕТИЮ СМЕРТИ ПЕВЦА

Esse Alcáeumque latinum

Рóscimús. Si quíd vacuí sub úmbra
lúsímús tecúm, quod et húnc in ánnum
vívat et plurés, age díe Latínium,
bárbite, cármen,

Lésbió primúm moduláte cívi
quí feróx belló, tamen ínter árma
síve jáctatám religárat údo
lítore návim,

Líberum ét[Liber'et] Musás Venerémqu' et illi¹
sémpet háerentém puerúm canébat
ét Lycúm nigrís oculís nigróque
críne decórum,

O decús Phoebí et dápiús suprémi
gráta téstudó jovis, ó labórum
dúlce lénimén, mini cúmque sálve
ríte vocánti!

(Quíntus Horátius Fláccus/ ánnus 25/
vincésimus quíntus/ ánte Christum Natum

Быть и латинским Алкеем'

Просим чтить. Если ты не раб, под тенью
в играх мы с тобой, избранно, как ныне
славишься в веках, пой, твори с латинской
лирой ты песню,

в Лэсбосе — иметь первого, — гражданкам,
как дерзнув в войне, жив среди оружия,
ведь в чужом порту властно держит в шторме
судно — дар в жертву,

Лаской Муз' и детства, Венерой' и за этим
навсегда стрела к чувству Купидона',
Ли́ка' чёрных глаз будь, поэта волос,
лавром увенчан,

Фэба' о красá да с яствами богатства,
Ты, Юпитер', дай стих творцу в награду,
сладко утешай, а меня прославь, коль
я — жрец поющий!

(Квинт Гораций Флакк'/ 25 год
до нашей эры)

¹Líberum ét Musás Venerémque et illi [Liber et Musás
Venerémqu et illi]

* * *

Время, зри, как встал лирик, чтоб спеть с неба,
в ночь изгнанником, в шторм из строк Алкея'
лира клетку рвёт. Шесть веков спустя,.. — пусть
Гораций славит

в Лэсбосе вражду; грек вернётся в праздность
песней моря жить... писарь, воин Бру́та'
с риском смерть принять у Принцепса' вспыхнул
среди римлян дивом.

Вёл скалистый путь к дружбе с Меценáтом',
в лавровом венке плыл поэт к бессмертью,
Ликосом' сверкнул в Лациуме' властном
певучим слогом.

Музы' волей чьё смертное бессмертье
читит двух тысяч лет слух! В веках цветенье
пёстрых мнений, коль времени сильнее
твой стих, Гораций.

В средних ты веках и у Возрожденья,
с Данте' вечный луч в Первом круге ада,
над венком твоим всех вер преображенье,
светил награда.

Символ классик твой ритм из оды ранней,
гордых, словно ток мёлний греков песен,
ждёт романтик шторм, гром твоих исканий,
времён шар тесен.

В память о вечно любимой Грач Лиe Самуиловне – тётъ-Лизочке

Вот, тётъ-Лизочка, взрослый уж совсем я,
В незабвенности сказок лет ты моя,
Страх за маму жжёт, как прочел письма я
Строк давних для меня.

До восьми годов жили вместе мы,
Но унес тебя в вечность лёд зимы,
Двадцать лет спустя ночью вижу сны
С тобой из глубины.

Где я маленький всё ем твой рулет,
Лишь один тебе я в окошке свет,
Никогда сказать не могла мне нет.
Твои во мне труды:

Чую я, как не из пустоты,
А из райских звёзд на меня зришь ты.

Посвящается Лучано Паваротти и его песне «Памяти Карузо»

Глас — бесконечность бездны,
плен моря! Ветры симфоний,
пыл Карузо шлёт граций
наследье под цепью гармоний,
с Музой' к царству избранником оваций
стал Лучано в восхожденьи,
стих не опишет сам голос,
дух ждёт свободы пеня.

Я вечность чую ту,
но сколько, уж сколько красоту
я жажду слышать раз, звезду,
мне цепи вселенной
дарят песню ту.

Рай, улетевший, зрил в туннеле
дух Карузо до вещего берега,
там звёзды, чьи трели к зримой цели
голосом открыли Америку;
из нот, рождавших чувства музыки,
с оркестра и с фортепьяно
бьёт жизнь: те годы, эпохи, рожденья и имя смертностью;
и уж Паваротти затмил Карузо,
алость зорь с ним светило встретит,
и лун в отраженьи диск, и вид моря,
среди божьих царствий голос взмыл вне времени,
чтоб Музу отразить в просторе.

Я вечность чую ту,
но сколько, уж сколько красоту
я жажду слышать раз, звезду,
мне цепи вселенной
дарят песню ту.

Наследье неба лирики
глушил «Металл» — гром фальши,
кошмар из нот — весь век в звериной мимике,
связь жалких слов, что дальше?
Те звуки рыщут в душе у твари,
где и ангел жив в преддверье
у царств Вселенной: счастья с болью,
где разум рождает зверя.
И едва ль ответишь клипами,
с кем одичавшая Америка
душой живёт богатой жизнью.
Смерть — в ад и в рай — туннелями.
Спасенье — всё ж голос, дух гармоний.
Ты пой в ветрах веков душой гиганта,
о, путь в метагалактики симфоний,
ты, звёзд чистота — о, бельканто.

Я вечность чую ту,
но сколько, уж сколько красоту
я жажду слышать раз, звезду,
мне цепи вселенной
дарят песню ту.

* * *

Безумство сменила разумная лень
и тут же закрылась на сотни замков.
Ночь проводила бесформенный день
В иступленьи немых голосов.

Где они, десять лет?

/посвящается покойному отцу Ю. Н. Солнцеву/

Папа!
Ты не ложишься в больницу вечно.
Ты не скажешь ни слова, ни полслова.
Мы оба копаем лопатой.

Ты везде. Ты в моем подсознании...
... уходишь...
Нет ты живёшь, в раю поёшь: «Летят журавли,
Как мне хочется плакать».

Папа! Папочка! тебя нет!
А ты помнишь,
Как мы ездили на машине,
Как мы рыбу удиили
В лесу каждым летом,
Лишь памяти свет.
Где они, десять лет?

(от 7 апреля 1989 года)

* * *

Образ вселенский, вкраплённый в непознанный город
Старый и новый в слияньи великий да жалкий,
Чернью загаженный, но вновь кристально рождённый,
Вспомни гигантские полчища в прошлом туманном,

Каждый хотел здесь остаться, но не удержался
В свыше подаренном граде Давида потомков,
Что из-за самовлюблённости дар растеряли
В треске пожаращ к изгнаниям бессмертного рода.

О не угасаемый патриотов огонь, призвавший
Против латинского проникновенья к восстаньям,
Ты обознался в надежде на помощь сил Торы,
И обречён был народ Авраама на муки.

Но ни арабов ножи, ни костры инквизиций
Жизнь у еврейской идеи в дыму не отняли
С правом вернуться на Обетованную землю,
Гор и пустыни безжизненной соли в разломах.

Древних четыре квартала судьбу всего мира
В Силе небесной всем излучают из камня:
Плача стеной, что плечом описуема сдревле,
Полу подземной Голгофой христианского духа,

Боль миллиардов в истории здесь притушившей.
И синь Омара мечети исламской святыни
Подлинно верующих призывала к смиреньям
С горем в несчастной семье невиновно рождённых.

Вся эта воля да сила Всевышнего — тайна,
Что побуждает прислушаться к мыслям друг друга,
Ведь коротка жизнь, а ценности столь многослойны
Разного дерева в каждом народе от предков.

**Sta carmína dicúntur ésse
Lactántii:**

Est locus ín prunó felíx oriénte remótus
Quá paret éterní máxima pórtá polí
Néc in estivás bienúsq' propínquus ad órtus
ín quo sol vernó fúndit ab áxe diém:
Íllic planitiés tractús diffúndit apértus.
Néc tumulús crescít, néc cava vállis biát;
Séd tu ós montés quorúm juga célsa pútantur
Pér bisséx ulnás éminet ille locús.
Híc solís nemus ést ex cónsitus árbore múlta,
Lúcus pérpetué fróndis bonó reveréns.
Cúm pheróntiadís flagrásset ab ígnibus áxis
Ílle locús flamís ínviolátus erát.
Ét cum díluviúm mertísset flúctibus órbe
Déucalióneás éxuperávit aquás,
Nón hic exangués morbí, non égra senéctus,
Nón mors crudelís, nec métus ásker adít.
Néc scelus ínfandúm, nec opúm vesána cupído
Áut metus, áut ardéns cédit amóre furór.
Lúctus acérbus ab ést, et egéstas óbsita pánnis,
Ét cure ínsontés, ét violénta famés,
Nón ibi témpestás, nec vís furít bórrida vénti.

(303/trecentésimus tértius/ annus)

**Бытию посвященá песня
Лактáнция'**

Знать, средь олив есть место, счастье востока чужого,
Вечность где родилась, громко порог чей воспой
В саженцах не от двух лет сближенье с востоком,
Солнце где весну льёт от рождения дня:
Плавная ведь равнина всем распростёрлась открытой,
Вырос не холм-курган, не из долин пустота;
О горé — нутром от горестей свыше мечтаемо,
На двенадцать то место локтей вознеслось.
Роца солнца его — украшена чудом деревьев,
Нескончаемый свет на листьях страданий добра
К катастрофам и запад вспыхнул бы огненной осью,
Да неподвластно их место огню бытия.
И с морским наводненьем всё опустилось бы в бездну,
С Девкалионом' копь воды начнут бушевать,
Смерти и без жертвы нет, пока та — не старость,
Гибели здой нет, жгуций страх не взойдёт,
Ни несказанный мрак, ни безумство жажды жизни,
Иль кошмар, иль любовь сменяет ярости зла.
Скорбь на востоке пронзит, насилье прожжённо в рубище;

*Боль без вины стерпи, голод в сплошной нищете,
Где не тайфуны да ни сѣлица воющих вѣтров.*

(303 год)

Пейзажи идей Шри Ауробиндо' и Нострада́муса*

Свет с других планѣт смотрит на материализова́вшиеся тѣни,
Люди — развлече́нье, мишень вихрей из потусторонних измерений.
Есть лишь одно место а́ду неподвластное — Ша́мбала'-спасение.
Ещё вечны в дикарях: Са́ттва, та́мас, Ра́джис — Бла́го, зло, Сражение.
Ерушала́им да Гимала́и, то — прошлое и будущее единство.
Любовь спустится из Ша́мбалы Кришной и Бúддой избавлением
От культов, догм, нетерпимостей атеистов да религиозников,
От их скользенья по понятиям в пространствах резно́го времени.
В природе, верах, искусстве, науке, везде где-то ниточка Бога.
Держась за святость, люди не движутся к Истине, не Её возлюбя,
Лишь себя в культ возводят, когда дар взят в страхах навязанных образов.
Тела людей — передатчики без собственных идей, рабство у вибраций,
Зверь — неразумный дух. Разум грешной Земли шлѣт ему чужие мысли.
Ничтожную часть их присвоив, счастливо Сито — Мозг человеческий.
Сознанье тупеет в мире самовлюблённых блаженных снежинок.
Боже! Пусть человечество избежит войны двадцатисемилетней,
Что предсказал к концу тысячелетия в стихах-шифрах Нострада́мус,
То новая раса и мир людей: высоких, низких и полосатых,
Когда нам явится Единая Вера в лике иного рожденья.
За секунду в людских душах и умах появятся миллионы мыслей.
Взирать на поток дивных картин в красках идей каждого Каждый сможет,
Как в мозгу одного организма иных восприятий жизни.
Из-за инертности колѣс вековых привычек многие грешники
Или ж сойдут с ума, или, стыдясь обнаженья, сойдут к самоубийствам,
Коль преданность культу вчерашнего дня не примет Бога-Отца,
Всѣ сотворившего, Бога-Сына — Вселенную, где все измеренья
Да знаки в деленьи понятий Бытия, что в любви воплотились,
И Бога-Святого Духа, как единство Бога-Отца с Богом-сыном,
Но его мысли отвергли при жизни. Культам опасно спасенье
Из-за любви к предкам, пусть они, хоть как черти, дышат с образом Бога.
Бог один и неделѣм над всем этим: Отцом, Сыном и Духом.

ПЕРВЫЕ ШАГИ В ПОЭЗИИ В ВОЗРАСТЕ ПЯТНАДЦАТИ ЛЕТ

Ташкентской моей сто седьмой школе

Вскройте, *училки*, совесть, если она у вас есть,
Ваши речи — дикий обман,
Повседневная лесть, это я говорю вам.

Я стоял на коленях. В двенадцать лет мне отрубили хвост.
Кровь запеклась. Шрам превращался в мозоль.
Я встал во весь рост, не глядя на боль.

В крике: «Заткнись!» — сконфуженный страх,
Годы в ночи, их разбавленный смех,
Красивый удар, но и меткий размах?
С позиции мира ВСЕГО и ВСЕХ?!

Вы ждёте тепла, где его уже больше нет,
Для страховки надевайте противогаз.
Солнце заходит для вас, трубите вы: *Рассвет!*.
Может быть светило взойдёт сейчас.

Вскройте, *училки*, совесть, если она у вас есть!

* * *

Одинокостью юное судно в открытом море
Ласково синие волны качают,
На востоке в лазурном просторе
С ним полёт чайки — утро любви встречает.

Сердце алость зари покорила.
Всю жизнь лишь плыть бы и плыть,
На рассвете чтоб встретить светило,
Да в сумерках на покой проводить.

Так всю жизнь ждёт счастья одинокое судно,
Только чайки в седые уж волны ныряют.
Но почему-то верится вечности трудно,
Что сердце парусника изнемогает.

Юность 1985 года

Мне холод честью будет,
Когда весна посетит мой дом,
Она святую ложь осудит,
Не оправдаетесь потом.

О участь хлипкого подростка.
Вы — гордость школы, я — позор.
Но пусть моя жизнь хлётка
И наглый детский взор.

Вы говорите правду детям,
Вы так сеете добро,
Его развеет ветер
Да засорит дерьмо.

Уйдут года, взойдёт и семя,
Вскормлённое защитой лжи,
Боль исцелит лекарство — время,
Останется плач души.

Летний этюд

Колышется озеро у подножья гор,
Надрываясь, сердце нервозно скулит.
В полумраке шумит сосновый бор,
И с тоской по воде закат скользит.

Солнечный диск садился на глазах.
Пыл, кáверзная жизнь умеет ли любить?
Завывает ветер, шурша в замёрзших ушах:
Надо о чарах любви навек забыть!

Нáчался между озером и небом бой.
Мурашки чувств по телу бегут.
Так сердце осваивает холодный зной.
Да, пророчества тоже лгут.

В разговоре природы сердце — мишень
К вечному финалу сгоревшего уж дня,
Где метнулась во тьме какой-то девочки тень
С надеждой отыскать, быть может, меня.

Deús creátor ómnium
políque réctor, véstiens
diém decóro lúmine
noctém sopórtis grátia

(Ambrósius)

Господь, создатель всякого,
нарядно, бог, ты праведный,
день светом украшающий,
ночь снами грациозными.

(Амврósий')

ПРЯМАЯ — ПРОКЛЯТЫЙ ЭЛЛИПС

Одним осенним вечером село солнце. На Земле лежала пыль. На крыльцо у подъезда, на пушистую землю и рядом в высохший арык падали жёлтые листья и наводили на душу тоску. В тот вечер сломался купленный пять лет назад цветной телевизор. Но работает он или нет, было мне до лампочки. Я пришёл домой, разделся, лёг на кровать-диван и принялся листать журналы. Вскоре уснул. Меня разбудил голос чужих мыслей, которые скреблись в голове. Похолодело в подмышках. За полированным столом на поломанном стуле, необычным светом осветившее комнату, сидело существо без волос, с длинными руками и с лицом фиолетового цвета, вытянутой формы, а в вытянутых снизу вверх к вискам глазах на пол-лица зрачки отсутствовали:

— Что Вы ждёте от жизни?

— Скажите, кто Вы? — машинально вслух спросил я.

— Вы вызывали меня столь объёмный промежуток времени, чтобы я изучил Вашу психологию, — будто бы не фраза, а нарисованная мысль без слов, метнулась в душу,

— Вам не нужно уже задавать вопросы. Вы знаете, душа существовала раньше, нежели чем приняла форму и тело. Люди ...

— Фантомы? — ужаснулся я. Я встал с кровати. Свет не горел, похоже, и в противоположном доме. Инопланетный пришелец на мои действия не обратил внимания, будто не заметил ничего и не увидел, кроме одного: потока моих мыслей:

— Мир вас, землян, выполняет нужные и ненужные законы нейтралитета в отношении с миром из союза одиннадцати и одной десятой измерений, которые создают Красоту.

Я открыл дверь на лоджию и вышел на неё, взглянул на спокойные мерцающие звёзды. Затем вернулся в большую комнату. Сел от пришельца на расстоянии около полутора метров. В глазах закололо, у меня слёзы сразу выступили.

— На многих иных планетах мы используем в ходе эволюции цивилизации пять измерений, что присущи высшей математике, а вы всего два из трех, чем обладаете по воле Всевышнего: расстоянием и скоростью. Но ваша беда — ваш тупик не в этом. Слепо Минусу и Plusу подчиняясь, девяносто девять и девять десятых процента своей энергии вы тратите впустую. Она улетает в пустоту и растворяется в пространстве. Более четырнадцати тысяч оборотов совершила Земля вокруг Солнца относительно синхронного времени, а в вас цивилизация всё по-прежнему выясняет в трёх

измерениях, кто как среагировал на ту или иную реакцию с конфликтами в ходе событий. Вы всю жизнь доказываете: прав или виноват один и тот же субъект в трудностях, созданных вами же самими. Но таким трудностям нет конца-края. Это может распространиться заразой по Вселенной, ведь кроме этих трудностей людская цивилизация, если ещё можно так назвать её, не сумела создать ничего. Если завтра человек не поставит вопрос «Что, кроме науки и искусства, способно было бы зародиться в сознании, не благодаря энергиям инертности Добраи плодovitости Зла, которые не существуют», он просто уничтожит себя, ибо он — часть одного организма — ЗЕМЛЯ. И только надежда на плавнейший переход, а не рывок к иному миросозерцанию зажжётся в душах. Из-за маленькой и примитивной демонической абстрактной ориентации на несчастной планете тысячелетний потенциал у людей превратится в страшный машинный аппарат. Уничтожить ваши взбешенные массы мы тогда вынуждены, как уничтожаете вы излишнее поголовье хищников, или даже хуже, вирусов в организме. Я предлагаю Вам улететь отсюда. Улететь раз и навсегда.

Бесконечная энергия, жаждущая свободы, наполнила подсознание. Я хотел согласиться, вдруг почувствовал неведомую силу, которая заставила меня остаться. Моим сознанием овладел страх, что смутно будто бы мне шепнул: «Ты будешь жить вне Земли с подобными уродами оставшуюся жизнь животного в клетке, животного в бесконечной и многообразной клетке!». Я взглянул на пришельца. Лишь только в этот миг я заметил, что его тело излучало свет из цветов, которых я раньше не видел.

— Демоническая сила Антиразума не в состоянии людей отправить в ад, ибо наказание за предыдущие жизни — Земля — среднее между чистилищем и адом. Но вы, люди, на фоне цивилизации моей родины — полуразумные — полутвари. Находясь с вами, я выполняю ещё безмерное, многослойное, бессчётное количество функций также в моём внутреннем мире.

— Как устроен мир? Что собой представляет Бог?

— Мы настолько в настоящее время выше вас, насколько вы выше приматов. Но мы, так же как и вы, — единый организм.

Он достал из себя странный восьмиугольный аппарат:

— Воображайте, что хотите.

В моих глазах принялись бегать красочные силуэты, звёзды, абстрактные мысли, превращающиеся в скользкие ленты, красивые и уродливые людские лица, краски превращались в жизненные картины и исчезали. Размеры предметов выросли на глазах, тут же уменьшились, принимая вид песчинок. Звёзды космоса окрасились в цвета, уже не присущие цветам земной радуги. Руки затряслись. Я так чувствовал наслаждение от увиденной панорамы. Неслыханные размеры расслабили мышцы. Перед глазами, затылком, лицом проплывали звёздные системы, объединенные в галактики. «Не умер ли я?» — я видел одновременно и ничтожные элементарные частицы, видел скопления галактик, свету неподвластные, не движущиеся или улетающие одновременно, словно и в никуда. Вот я услышал и мысленный голос:

— Это Вселенная. Но Вселенная — не весь мир. Земля движется вокруг оси, вокруг Солнца, Солнце с его планетами — вокруг центра галактики, галактика несётся с непостижимой скоростью в скоплении галактик, где ион одного размера с галактикой, а нейтрон — со Вселенной при разных скоростях относительно обобщающей нас скорости света. Это и есть скорость земного условного нуля при борьбе энергии: одной, стремящейся вечно от нуля в объединении к свержосознанному Plusу, с другой, рвущейся от нуля к Минусу бесконечности. Без второй, противоположной невозможно бессчётное число элементарных частиц, откуда благодаря им в объединениях образуется Плюс бесконечность. Но другие знаки, кроме Plusа и

Минуса, также подвластные через цикличность лет Богу, ничто ни с той, ни с другой силой не связует.

Вот так двадцать четыре миллиарда лет тому назад скорость одного из избранных нейтронов, зачатка ещё не сотворённой, но уже как бы сотворённой нашей будущей Вселенной, словно в нескончаемой матрёшке Плюса бесконечности сравнялась в понятиях с точкой прямого четвертого угла в общей математической окружности, равной миллиону двумстам тысячам километрам в секунду в нейтроне для наших измерений, но также и во Вселенной, где образуются пространства, где нейтрон становится равным Вселенной по массе через мгновенный взрыв. В том союзе для измерений: одиннадцати и одной десятой, массой раздув воронку гармонии: нейтрино и антинейтрино, симметрия вытесняет сквозные измерения. Разрушив, накалила всё сила Антиразума энергией аннигиляции. В водородных ионах начилась так война за нейтроны, тут же мультиплицирующихся в количестве. Ведь каждый нейтрон, уж словно бездонная матрёшка, в себе содержит в нескольких сцеплениях измерений своеобразные метаскопления галактик, скопления галактик, звёздные системы, и так до их нейтронов, а те одновременно в свою очередь делимы также вплоть до Минуса бесконечности. Нейтроны будто б надевают платья протонов в атомах в эволюции многократно, где протон — Плюс — Бог, а закабаляемое к Плюсу бесконечности, электронное облако Минус — Чёрт, рвущий в распаде нуклонов атом и всю сцепляющую им материю вокруг. Через радиоактивность Минус проникает С и л о й Б О Г А в ядро. Та разрушающая сила есть Антиразум, в различных ситуациях проявляющийся у Вселенной под знаком «штрих». Насколько нарушает Минус, настолько нарушает Плюс, и наоборот. Я не в силах убедить Вас, поэтому оперирую не абстрактной мыслью, а фантомным изображением прошлой, будущей, реальной, но и не сбывшейся — единой действительности. Частота колебаний электронов на каждой скорости разная.

— Я не математик.

— Нескончаемое кольцо связей породило Нейтралитет. Из-за этого Абсолют не может помочь потенциально разумным существам. Когда систематически приносит в жертву людей Минус, Господь-Абсолют после смерти использует, обогащая, умершие их души для роста массы нуклонов в Раю тем, что есть в протоне, или заново возрождает в более высоких цивилизациях, ибо то — Стусток Жизненных Нитей БОГА, через всё пространство тьмы, несущийся Ангел Смерти, не ослепляющий божественной яркостью, оранжевый его свет, что излучает душа единства. Вселенные-Нейтроны — всеединые взаимозависимые сверхразумные организмы, они устремляют метagalaktiki к критической точке через сцепления и расщепления измерений. Протоны переходят в Нейтроны, и наоборот. Скорости нейтронов увеличиваются в замкнутости атомов, Вселенные претворяют ту же картину там, где уже время течет во столько раз медленнее, во сколько нейтрон меньше Нейтрона Вселенной в скоростной пропорции как в жидкости, меняющей постоянно форму.

— Точность пропорций?

— Точности не существует. Поэтому измерить душу нельзя. Нейтроны проходят, как через вечность, четыре прямых угла всеобщей земной математики, где девяносто градусов по ускорению для материи — скорость света, равная трёмстам тысячам километрам в секунду. Создала этот закон Энергия БОГА. Над всем представленным мной Вашему сознанию БОГ и он неделим.

— Сколько времени?

— Прошли сутки. Энергетически я питал организм. До моего появления убедились, что человечество сожрало само себя. Перед смертью миллиардов сном не надыхаться.

— Необходимо создать защитное поле от незримой радиации, нам искажающей воображение?! Человек Отношений обязан понять, что он не есть Человек Разумный?! Что создавалось тысячелетиями, в эволюции распадётся в бездне мгновенных мыслей, если вынуждены будут отказаться от зла и добра, или от обычной людской ненависти, также любви!!

— Кроме симфонической музыки.

— Куда денутся циклические дары лет?

— Закон Нейтралитета преодолеть нельзя. Человек — скопление энергий. Ведь грехи людей преследуют и будут преследовать на каждом шагу. Цивилизации другой жизни не вступают с вами в контакт потому, что вы — призраки, подчиняющиеся гипнотическому приказанию, познающие не Бога, а звериные религии. Реальнее существуют умершие людские души, чем живые. Людские тела вместе с нами с изменяющимися подсознаниями или покинут замученную планету, или их ждёт апокалипсис. От четырнадцатитысячелетней псевдоцивилизации откажетесь ли, вот допустим, лично Вы? Должны мы субъективно для каждой личности сосчитать количество клеток коры головного мозга. Вы же, люди, если сами займётесь размагничиванием ненужных, грехи цепляющих зарядов, превратитесь в рабов-марионеток не заполненных разумом клеток мозга. Ведь их у каждого от двухсот пятидесяти миллиардов плюс-минус десятки миллионов — до важнейших единиц. Улетаете Вы со мной или остаётесь?

Я головой испуганно замотал.

— Прощайте! — он вышел на балкон и ещё раз взглянул глазами без зрачков на меня,

— Одумайтесь.

Я стоял и тупо смотрел, как пришелец подлетел к решётке. Он пронзил железные прутья и, не оставив на них ни малейшего следа, вдруг скрылся за пожелтевшими деревьями. У меня от боли раскалывалась голова. В глазах появились синие круги. Я закрыл дверь на балкон и с трудом добрался до постели.

Я бежал по синему плато. Красный свет омрачал сознание. Осколок упавшего сверху и разбившегося прошлого. Я остановился у восьмиугольного жёлтого ионно-пульсирующего, входного спуска. Я оказался у оранжевого озера в необъятной пещере, лишь с одной стороны с красными и зелёными сводами. Плазматический пар наш поднимался над неподвижной зеркальной жидкостью. Плазма мной потрясена:

— Люди знают, что апокалипсис ожидает их планету?

— Очищение невозможно.

— За бесформенный визит на Землю — Будущее в Прошлом! Ты умрёшь на годы. Абсолют вдыхает твою душу в новорождённого человека. В того, к кому ты спустился. Углы. Миражи. Пропорции. Они завернули мир в шар. Листья деревьев. Смех: «Всего несколько десятков оборотов Земли вокруг Солнца, и очистишься ты-ыыы-ы». «Может быть, я вернусь!». Тебе поможет девочка, такая же, как и ты, в дурацком людском хаосе мыслей, что валяются под натиском рока судьбы. И никто их не увидит. Кому нужны в рабстве у добра и зла импульсы жизни?!» О горы! Вулканы! Клетки! Оскалы созвездий! Я все забыл, зеленея, розовея... Фау! Фау! Фау!

ПРИМЕЧАНИЯ

Аверинцев Сергей Сергеевич — с духом из потустороннего измерения самобытный и многогранный поэт конца двадцатого века, председатель московского общества «Мандельштам», один из выдающихся византинистов не только России, но и мира, академик, автор множества научных трудов по истории литературы Древней Греции, Древнего Рима, Византии, чьи авторские работы, переводы как прозы, так и поэзии, — главные источники для стихов о Византии в настоящей книге. (26, 38)

*Неотразимым остриём меча,
Отточенного для последней битвы,
Да будет слово краткое молитвы
И ясным знаком — тихая свеча.*

*Да будут взоры к ней устремлены
В тот недалёкий, строгий час возмездья,
Когда померкнут в небесах созвездья
И свет уйдёт из солнца и луны.*

(Сергей Аверинцев. 21 ноября 1998 года)

Агриппа, М. Випсáниус Агриппа (63 — 12 гг. до новой эры) — передовой полководец и зять Октавиána Августа, победитель при Миллах, Акции и других местах, друг Публия Вергилия Марóна и Квинта Горáция Флáкка. (21, 22)

Адмёт — наследник Ферéта, царя города Фер. (94)

Аквиум — или Актий — город, также мыс в Акарнáнии, где терпели поражение Антóний и Клеопáтра. (24)

Алáрих — варварский грабитель, ненасытный король у вестгóтов (ок. 370 — 410 гг. новой эры). (23)

Алексей — сын византийского императора, заточённого самозванцем в темницу в конце XII века. (7)

Алкéй — лирический поэт Древней Греции из Митилéны, увенчанный лавровым венком на празднике поэтов-певцов в 610 году до новой эры. (22, 88)

Амфитрúта — в античности у римлян богиня моря, жена Нептúна. (40)

Анакреонтически — приближаясь поэтически слогом и духом к Анакреóнту, греческому поэту-лирику VI-V веков до новой эры. (28)

Анастáсий Библиотéкарь — один из римских писателей-эрудитов IX века, которому не была чужда византийская образованность. Переводчик на латынь греческих историков: Никифора, Геóригия Синкéлла, Феофána Исповéдника. С 875 по 876 год полностью отдался работе над переводом с греческого оригинала, подаренного Мефóдием Константино́польским, «Мученичества Дионисия Ареопагита». Большой вклад в историю латинской литературы внесли его переводы «Хронографии» Феофána и проповедей Феóдора Студита. По истории славян от его наследия главные сведения о

переводе на старославянский язык Евангелия Кириллом и литургических текстов Мефодием. Основной труд писателя-эрудита — «Трёхчастная хронография» по всемирной истории от греческих источников с 277 года новой эры. Умер в 897 году. (38)
Андрей Критский (660-740 гг.) — знаменитый византийский поэт, создатель и мастер нового жанра в церковной гимнографии, канона. Уроженец Дамаска. Монах в Иерусалиме, позже диакон в Константинополе. Скончался на Крите. Наиболее популярное произведение — «Великий канон» из 250 строф. Ему характерен своеобразный отход от нарочито символического толкования конкретных событий в сторону иносказания. (30)

Андрей Тарковский — кинорежиссёр России модернистского, мистического начала в понимании мира и человеческих судеб, автор фильмов: «Иваново детство», «Андрей Рублёв», «Зеркало», «Сталкер», «Солярис», а также, в эмиграции, «Ностальгия» и «Жертвоприношение». (47)

Амвросий Медиоланский — основатель своеобразной традиции в литературе поздней Римской империи, мелодист, гимнограф. Скончался в 397 году. (30, 95)

Апис — священный бык в Древнем Египте. (28)

Аристотель (384-323 гг. до н.э.) — древнегреческий философ и учёный-энциклопедист. С 17 лет ученик Платона в течение 20 лет, до его смерти. Воспитатель и наставник Александра Македонского. После его смерти возвращается в александрийскую Грецию. За создание перипатетической школы «Ликёя» на пятидесятом году подвергнут гонению. В 327 году вынужден, не дожидаясь суда, бежать из родных Афин. Автор работ по логике «Органон», учения о началах бытия «Метафизика» и так далее. (30)

Армагеддон — конец существования или конец света. (26)

Архилох VII в. до н.э. — поэт-лирик Древней Греции, сын обедневшего аристократа и рабыни, погибший во всенародной битве с воинами островов Парос и Наксос. В отношении языка и техники брал за образец Гомера. Известен тем, что в 680 году до н.э. он впервые начал пользоваться ямбом как литературно-поэтическим жанром. До XX века дошло не более ста отрывков, найдены две каменные плиты с 30 строфами из его самобытных стихотворений. (26)

Атлант — титан, сын Иапета и Климены, отец Плеяд, Гиад, Гесперид и Калипсо. Держал земной небосвод. (76)

Атлантида — легендарный материк между Америкой, Африкой и Европой, опустившийся на дно океана в 12 тысячелетии до новой эры. По древнеегипетскому календарю из семи циклов, каждый из которых по 1460 лет, в 11 653 году до н.э., по древнеиндийскому календарю из лунных циклов, каждый из которых по 1805 лет, конец одного из них пришёлся на 712 год до новой эры в исторических памятниках, шесть циклов назад гибель Атлантиды и, чьё теоретическое начало летосчисления, в 11 651 году до н.э., по календарю Майя, где начало календарной эры от 3373 года, там один из его циклов из 2760 лет, они приводят опять неизменно к 11 653 году до н.э.. Свидетельство всему этому — древнейший, первый язык из согласных, гласных и полугласных, давший исходное начало развитию афразийского, индоевропейского и индокитайского направлений в формировании языковых семей («Знание — сила» номер 5 и 7 за 1985 год). (59)

Бозций, Анниций Манлий Северин Бозций (родился ок. 475, казнён в 524 гг. новой эры) — поэт византийского Рима, учёный-энциклопедист, непревзойдённый в течение долгих веков доктор философских, исторических, филологических и риторических наук раннего средневековья. Сын консула 487 года. В 510 году сам назначается на пост консула. Переводчик на латинский язык поздних веков бывшей империи работ Аристотеля и отдельных страниц из книг Платона. Литературовед часто опирался на работы

александрийца Аммония Саккаса (175 — 242 г. н.э.). Боэций — автор труда «Четвертные двери» по арифметике, геометрии, музыке и астрономии. Работал как исследователь книги Порфирия из Тира (III век н.э.), анализировал «Введение в категории, или о пяти звучаниях» Аристотеля, а также «Второй аналитики» и «Топик» Цицерона. Создатель со стихами философского трактата «Утешение философией». Защищая патриция Альбина и сенат от обвинения в заговоре в пользу племянника императора Юстина I, Юстиниана, Боэций был отвезён в Павию, затем в тюрьму Канвельцано возле Милана, и после жестоких пыток обезглавлен в 524 году. (55, 69)

*Coms fo de Roma e ac ta gran valor
Aprob malio lo rey imperador
El era' l meler de tota la honor
De tot' l imperiel' tenien per sonor
Mas d' una causa u nom avia genzor,
De sapientia l'apellaven doctor.*

*Как сам из Рима, стал одним из светил,
Творил Манлий при дворе имперских сил,
Как самый умный, сердца нам покорил,
Был страной любим, творцом прослыл,
Так мудрость славилась его, знать, заслужил
Званье доктора, народ коль обучил.*

(Из провансальской поэмы «Боэций» XI века объёмом в 257 строк.)
(Поэтический перевод с провансальского А.Кирияцкого)

Брут — здесь М. Юниус Брутус (85 — 42 г. до н. э.), племянник Катона Младшего, организатор убийства Цезаря как приёмный сын. Он совершил этот поступок во имя чести и спасения республики, политик-патриот, покончивший жизнь самоубийством после поражения в битве у Филиппов, в войне со Вторым триумvirатом. (35, 65)

Буколики — первая эпическая поэма из десяти эклог лучшего поэта Древнего Рима, Публия Вергилия Марона, написанная с 42 по 37 год до новой эры об идеализированной красоте пастушеского раздолья. Вроде вступительного слова — диалог между юным Мелебеем, покидавшим конфискованные земли в пользу ветеранов, и умудрённым жизнью бывшим рабом, выпросившим себе свободу, Титиром о непохожем на другие городе Риме. Основная идея произведения — на чувствах во второй, шестой, седьмой, восьмой и десятой эклогах и на примиряющем равенстве в беседе пастухов Меналка, Дамёта и Палемона, где видна реминисценция на творчество древнего грека, поэта Феокрита, на его персонажи, такие как Комот и Лакон. В дальнейших эклогах-главах просто шли поэтические авторские суждения, разговор Ликида и Мёриса, также Мопса и Меналка и прочих. Поэтический памятник создан человеком Вергилием на основе реальных событий из жизни: на батальи между маленьким собственником Вергилием и ветеранами (I, IX), на поэтических школах (III), на отношениях с поэтически одарённым человеком, Полионом, генералом Октавиана и другом поэта (III, IV), на несчастной любви в других отношениях друга, смещённого легкомысленного наместника в Египте, Галла (X), на мнении и поддержке Вария (VI, IX), на его цезарианских взглядах (VI). (42)

Ex Bucólica Vergílii

Áspice \\cónve\\xó nu\\tántem \\póndere \\múndum,

Térras|\qué trac|\túsque ma|\rís cae|\lúmque pro|\fúndum;
Áspice,|\ véntu|\ró lae|\tántur ut |\ómnia |\sáeclo.
Ó mihi |\túm lon|\gáe mane|\át pars |\última |\vítæ,
Spíritus|\ ét quan|\túm sat e|\rít tua |\dícere |\fácta!
Nón me |\cármíni|\bús vin|\cét nec|\Thrácius |\Órpheus,
Néc Linus,|\húic[hujk] ma|\tér quamvis|\átqu' huic[hujk] |\páter |\ádsit,
Órphe|\í Cal|\lío|\péa,|\ Líno for|\mósus A|\póllo.
Pán e|\tiám, *Arcadí*|\á[Pán e|\tj'Árcadí|\á] me|\cúm si |\júdice |\cértet,
Pán e|\tiám, *Arcadí*|\á[Pán e|\tj'Árcadí|\á] di|\cát se |\júdice |\vítum.
Íncipe, |\párve pu|\ér, rí|\sú cog|\nóscere |\mátrem:
Mátri |\lónga de|\cém tule|\rúnt fas|\tídia |\ménses.
Íncipe, |\párve pu|\ér: qui |\nón rí|\sére pa|\rénti
Néc de|\ús hunc men|\sá, dea |\néc dig|\náta cu|\bílí est [ku|\bílí' st].

Из Букóлик Вергúлия

Глянь-ка, колеблю я весы, где света картины,
 Земли и волненья морей, да неба глубины,
 Глянь-ка, на радость всякий век ожидаемый встретит.
 Но, и мне долгие чуть ты в последнем дай пожить веке,
 Дух сколько властен, станет глаголить твоим предсказаньем.
 Не меня победит фракійской не Орфéй песней лишь,
 Не Лина мать его, мир сжигал, не отец чей земной.
 С Каллиопéей Орфей, дан Лину стан Аполло́на.
 Аркадийских лесов коль бог со мной об этом заспорит,
 Аркадийских лесов коль бог сказал, он уж побеждённый.
 Начинай в смехе, малыш, как любит мать познавать мир.
 Матери десять месяцев, сложных, знать, суждены всё ж,
 Начинай в смехе, малыш, и не смеяться над отчим
 Да не пир дан богу, коль богине не лечь на ложе.

(Конец IV^{ой} эклоги)

(октябрь или начало ноября 40го года до новой эры)
 (Поэтический перевод с латыни А. Кирияцкого)

Váрий — Л. В. Вáриус, влиятельный древнеримский поэт, считался одним из почитателей Вергилия и Горация. (21, 22)
Василевс — византийский император, слово начало употребляться в Византии после VI века в честь титула самодержцев Древней Эллады. (31, 32)
Венáнций Фортунáт, Гонóрий Климéнтий. В Италии последним античным угасавшим факелом, бежавшим от варваров, оказался Венанций Фортунат (ок. 530 — ок. 600 гг. новой эры) — епископ Пуатьё, поэт, агиограф. Гений в 540 году покинул Равенну, где он получил образование, он покинул родину под угрозой нашествия лангобардов; он ушёл пешком в мерovingскую Галлию (Францию). Там нашёл общество, которое было способно оценить и понять стихи последнего римского могиканина. Искренность и, при этом, лирическая окрашенность творений Венанция Фортуната, и обращённость их к чувству читателя, объясняют воздействие его поэзии на французских, а также ирландских и английских поэтов многих последующих столетий. Последнее его стихотворение написано в 591 году. (56, 57)

Вэста — дочь Сатурна и богини Опе, латиняне поклонялись ей как богине домашнего очага и чистоты семейной жизни. Храм ей находился на южной части римского форума. (34).

Вестáлка — должность жрицы Весты, их было в храме для Весты шесть во главе с понтифекс-максимус, они были связаны обетом безбрачия, обязаны были поддерживать в храме неугасимый огонь, который возобновлялся ежегодно 1 марта. (25)

Византи́я — Восточно-римская, Византийская империя со столицей в Константинополе с 330 года изначально. Этот город с 660 года до новой эры назывался Византием. Но официально Константинополь превратился во Второй Рим со смерти Феодосия, императора Рима с 395 года, став столицей страны. Основные этапы развития: с 395 по 476 год — первый этап, с 476 по 555 год после падения Рима и присоединения бывшей столицы империи к Византии — этап государственного становления, с 555 по 634 (года захвата арабами Сирии) — великий (после завоевания Юстинианом всего северного средиземноморского побережья Африки, востока Испании, Италии и юга Франции) средиземноморский период, с 634 по 720 — тёмный средневековый период, с 720 года по 842 — иконоборческая эпоха, с 842 по 1071 год — анатолийский период до первых весомых потерь территории всей современной Турции под натиском полчищ турок-сельджуков, с 1071 по 1204 год — время крестовых походов и Раннего Византийского Возрождения, с 1204 по 1453 после сдачи Константинополя войскам крестоносцев, действовавшим по указу римского папы Иннокентия Третьего — Поздневизантийское Возрождение, упадок и смерть от турок-османов и переименование Константинополя в турецкий город Стамбул. (18, 29, 30, 31, 32, 69, 70, 75)

Витто́рия Колонна — итальянская поэтесса XVI века, с ней Микеланджело Буонарроти связывала любовь и духовная близость, с 1537 года по 1547, на седьмом десятке лет его жизненных поисков. Ей посвящаются многие его философские сонеты. (69)

Владисла́в Листьев — тележурналист ОРТ конца XX века, убит у себя в подъезде 7 марта 1995 года мафиозными структурами России. Автор ряда популярных передач: «Взгляд», «Тема», «Поле чудес», «Час-пик»; борец с рекламными роликами. (79)

Второй триумви́рат после убийства Цезаря и побед его сторонников на форуме и в сенате, при поспешном бегстве республиканцев: Брута, Цицерона и прочих, волей черни и ничтожной части аристократии, уже второй раз провозглашается диктатура трёх личностей, приближённых людей поверженного императора: Антония и Лепида, а с ними по завещанию восемнадцатилетнего наследника Октавиана, будущего Августа. Период правления и существования Второго триумvirата официально — годы с 43 по 31 до н.э. (34, 35)

Гай Юлий Цэза́рь (100-44 гг. до нашей эры) — политик, полководец, прекрасный оратор, писатель-историк, описавший в прозе собственные походы в завоевании Галлии. В 68 году был назначен квестором Рима. Родственники его тётки происходили от рода великих Юлиев. Их прародителем считался Юл, сын Энея, внук богини Венеры. Цезарь, как эдил с 65 по 64 год, был, несомненно, причастен к заговору Катилины. Избран на должность консула в 59 году как противник Цицерона. Член Первого триумvirата с 59 года по 48. Первый в истории самодержец вне законов и конституции Римской республики с 48 по 44 год, убитый заговорщиками во главе с его приёмным сыном Брутом. (23, 24, 34, 35)

Ге́лиос — бог солнца по древнегреческой мифологии, мудрый отец Фаэтона. (32, 40)

Георги́ки — вторая эпическая поэма короля латинских поэтов — Публия Вергилия Марона, созданная им с 37го по 30^{вiii} год до новой эры как зеркало нестабильности его эпохи. Битва Антония с Октавианом ставила Римскую республику перед лицом гражданской войны с анархией. Тогда поэтом была закончена в 36ом году первая книга эпоса, состоящего из четырёх книг: «Работа землепашца», «Деревья и вина»,

«Живность» и «Пчёлы» об идеализированной Вергилием сказочной сельской жизни. Дебют первой части — живой бог — Октавиан. Известно, что конец третьей книги приходится на 31 год — победу Октавиана в Акциуме. В 30ом году при триумфальном возвращении победившего Октавия из Египта датируется завершение произведения, и в течение четырёх дней Октавиану вместе с Афелией Публий Вергилий Марон читает всю поэму от начала до конца. (34)

Гёрман Пари́жский — глава парижского клира середины VI века. Принц по происхождению, один из почитателей поэтических дарований Вена́ция Фортуна́та. Можно сказать, первый его спонсор вместе с Бодегизилом, которым он посвятил несколько стихотворений. (57)

Герме́с — Меркурий по-латыни, сын Юпитера (Зевса) и Ма́йи, считается крылатым вестником богов, также проводником душ усопших, покровитель гимнастики, торговли и красноречия, изобретатель лиры. Здесь, как персонаж пьесы Эсхила «Огонь Прометей» или «Прометей прикованный», он издевается над Прометеем, не осознающим своих поступков. (53)

Герофи́л — Лжемарий, по происхождению грек. Он именовал себя внуком Мария, подбивая чернь Рима к гражданской войне отомстить за убийство Цезаря. Это движение черни в защиту греческого культа самодержавия заставило республиканцев: Марка Бру́та, Ка́ссия Ло́нга, Цицеро́на и многих других тогда покинуть Рим, а Антония и других цезарианцев, но ещё сторонников демократического подхода к власти с «Первым среди равных» — прийти к сотрудничеству с тогдашними сенаторами. Анто́ний арестовал Лжемария и без суда казнил. (35)

Геспэ́рия — Запад, у греков — Италия, у римлян — Испания, Западная Африка. (59, 60)

Гефе́ст — персонаж из пьесы Эсхила «Прометей прикованный», кузнец Олимпа Зевса, друг Прометей, который здесь по приказу громовержца приковывает, за подаренный людям огонь, несчастного Прометей к скале. (53)

Гора́ций, Квинт Гора́ций Флакк (65-8 гг. до н.э.) — латинский поэт золотого века, он — бессмертный лирик двух последних тысячелетий, автор на классической латыни филологического трактата «О поэтике и поэзии», сатир, эпод, од, также песен. Взгляды Горация берутся за основу в развитии поэзии всех народов Европы. Его отец, освобождённый раб, талантливому сыну даёт прекрасное гуманитарное образование, с 54 года сначала в Риме, а с 43 года в Афинах, в кругу аристократии. Квинт Гораций Флакк с 45 по 41 год — военный трибун демократии Бру́та при Филиппах. После морального падения и разочарования в идеалах республики, попадая под амнистию, в страхе возвращается в Рим. Квинт Гораций с 41 года, с подрезанными крыльями, работает писарем в столице. С 39 года до нашей эры, благодаря дружбе с Меценатом, знакомится с Ва́рием, после лично с Вергилием. С 19 года, когда Вергилий покидает мир, становится первым среди живущих поэтов. Хорошо знавшего греческий язык и писавшего на нём, для Горация идеалы — такие поэты Греции, как Архило́х, Лик, Алкéis и многие другие. (21, 22, 23, 24, 29, 37, 38, 77, 88, 88)

Intànto vòce fu per me udìta:

«Onoràte l' altìssimo poèta!

l' òmbra sùa tòrna, ch' èra disparìta».

Pòi che la vòce fu restàta e quèta,

vìdì quàttro grand' òmbre a nòi venìre:

sembiànza avèan né trìsta né lièta.

Lo buòn maèstro cominciò a dìre.

*«Mira colùì con quèlla spàda in màno,
che vièn dinànzi ài tre sì còme sìre.*

*Quèlli è Omèro poèta sovràno;
l' àltro è Oràzio satìro che vène;
Ovideo è il tèrzo, e l' ùltimo Lucàno.»*

*(Dàlla DIViNA COMMEDIA
di DànteAlighièri, INFÈRNO, IV /quàrto/Cànto)*

*Меж тем, как голос душ был мной услышан:
«Честь величью поэта на диво!
Тень, уйдя, вернулась, мёртвым он возвышен».*

*После тот голос замолчал горделиво,
зрил четыре я тени, что нам предстали,
похоже, не радостно и не тоскливо.*

*Вот благой маэстро мне сказал в начале:
«Видишь того, с мечом в руке, с царя станом,
трое лавром его короновали.*

*Это сам Гомер, в слепце — поэт над Приамом;
а другой Гораций, с сатирой пришедший,
Овидий с ним рядом третий, последний был Луканом.»*

*(Из БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ
Данте Алигьери, АД, IV /четвёртая/ Песня)*

(Поэтический перевод со староитальянского А. Кирияцкого)

Григóрий Первый Великий — писатель-агиограф, римский папа с 590 по 604 год, сторонник теории Бенедикта из Нурсии, основателя аббатства «Монтекассино» 8 апреля 529 года: о бессмысленности мирских знаний в угоду знаниям Библии. Для этого миропонимания кассиодорова доктрина об их мирном сосуществовании — язычества и христианства — оказалась абсолютно неприемлемой. Григорий Первый был ознакомлен с наследием античности, как наиболее образованный человек своей эпохи. За неприятием прошлого народа Рима — возвеличивает нового героя, вызванного к жизни необычайным развитием в эти столетия социальных потрясений и народных бедствий. Он родился в 540 году в патрицианской семье Анициев. В возрасте 30 лет Григорий назначается императором Юстином Вторым на должность префекта Рима. Шесть лет Григорий проводит в Константинополе как папский апокрипсиарий, где изучил греческий, но стал противником византийско-эллинистического начала. Его фантастически красочные описания жизни святых, такие, как «Гомилии на книгу Иезекииля» (593 г.), «Моралия в Иову» (597 г.), «Книга — правила пастыря» и прочие являются несомненным богатством всемирной агиографической литературы раннего средневековья. (69)

Данте Алигьери (1265 — 1321 гг.). «В мировой поэзии Данте — никем не превзойдённый поэт. Пушкин писал: «Есть высшая смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческой мыслью...»» (Голенищев-Кутузов,

«Божественная комедия», стр. 468, перевод Лозинского). Данте родился во Флоренции в дворянской семье. Начал свою литературную жизнь поэтом-лириком, описывая отроческие чувства любви к Беатриче Портинари в своей первой книге, написанной в прозе с поэтическими вставками, названной им «Новая жизнь» с 1291 по 1292 год, которую он создал в традициях «нового сладкого стиля». Данте, как республиканец, принимал активное участие в политических событиях родного города. Как член коллегии шести преоров, после поражения демократической партии «Белых гвельфов», оказывается изгнанным из родного края в 1302 году, и оставшуюся жизнь Данте провёл на чужбине. Его перу принадлежат три трактата: «Пир» — энциклопедия знаний, современных поэту, «О монархии» — о его взглядах на политику, «О родной речи» — первая в истории филологии научная книга по романскому языкознанию, где ярко выражена мысль о необходимости создания единого национального итальянского языка. Самое грандиозное произведение Данте — «Божественная комедия», где синтез средневековой культуры и новых осознаний жизни, открывших эпоху Возрождения через трилогию: «Ад», «Чистилище» и «Рай». (64, 65, 74, 89, 132, 133)

*«S'io ti fiammèggio nel càldo d' amòre
di la dal mòdo che 'n tèrra si vède,
sì che de li òcchi tuòi vìnco il valòre,*

*nòn ti maraviglàr; che ciò procède
da perfètto vedèr, che, còme apprènde,
così nel bène apprèso mòve il piède.*

*ìo vèggio ben sì còme già risplènde
nè l' intellètto tuo l' etàna lùce,
che, vìa, sòla sèmpre amòr accènde*

*e s' àltra còsa vòstro amòr sedùce,
non é se non di quella alcun vestigio
mal conosciùto, che quìdi tralùce.*

*Tu vuò' sapèr se con àltro servìgio,
per màncò vòto, si può rendèr tànto,
che l' ànima sicùri di letìgio».*

*Sì cominciò Beatrice quèsto cànto;
e sì com' uòm che sùo parlàr non spèzza,
continuò così 'l procèssò sànto:*

*«Lo maggiòr don che Dìo per sùa larghèzza
fèsse creàndo, ed a la sùa bontàte
più conformàto e quel che più aprèzza,*

*fu de la voluntà la libertàte;
di che le creatùre intelligeni,
e tütte e sòle, fùro e son dotàte...»*

(Dàlla DIVÌNA COMMEDIA
di Dànte Alighièri, PARADÌSO, V /quìnto/ Cànto)

*«Я зажгусь тобой для любви в путь по Раю,
ибо вне тела, что на земле зримо,
я глаз твоих ценность всякую предвосхищаю*

*не тебя удивлять, сколь постижимо
зреть всецелым Бога, он воспламеняет,
с таким красивым призывом плоть движет мимо.*

*Я взираю, как волшебным уж сияет
и в твоих взглядах бесконечность света,
что видно, лишь одна век любовь зажигает,*

*а всё другое манит любовь за это
не верным, а тем ложным платьем наряда,
знаний нет, где отраженья Завета.*

*Ты хочешь всё знать, но с другого обряда,
с ним без зарока вернуть можно везенье,
душа порой без греха не рада».*

*Так начала Беатриче это пенье;
и, как человек, голос чей неизменен,
продолжила святых идей движенье:*

*«Послан дар высший, вечен Бог и мгновенен,
веру творив, мы красотой его заречённые,
выбор в нас свободный более ценен,*

*его мы волей освобождённые;
люди и ангелы, с разумом созданные,
да, все, но лишь только они одарённые...»*

(Из БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ
Данте Алигьери, РАЙ, V /пятая/ Песня)
(Поэтический перевод со староитальянского А. Кирияцкого)

Девкалион — сын Прометея, царь Фтии в Фесалии, по греко-римским преданиям Девкалион спасся с супругой Пиррой от с неба посланного всемирного потопа, а после он стал родоначальником нового человеческого рода. (92, 93)

Деметриада — город в Фессалии, который победил и колонизировал Полиоктёт. (66)

Джордано Бруно (1548 — 1600 гг.), настоящее имя — Филиппо, в монашестве при получении сана назван Джордано, Филиппо принадлежал поначалу к ордену францисканцев. Хотя при всём при этом он развивал мысли Копérника о бесконечности миров и материальности вселенной, что Земле не шесть тысяч лет, также, что она не в центре мира. За это он был обвинён папской инквизицией в ереси. Процесс суда над ним длился 8 лет, но он не отрёкся от своего мировоззрения и, подобно Копернику, не признал его бесовским. Он был сожжён в Риме на площади Цветов. Ренессанское наследие Джордано Бруно — диалоги: «О причине, начале и едином», «О бесконечности

вселенной и мирах», «О героическом энтузиазме», также им была написана комедия «Подсвечник», сонеты и многое другое. (48, 49)

Дон Аратор — ритор и поэт первой половины и середины VI века новой эры. Сын юриста из Лигурии. После смерти отца воспитывался в Милане на церковные деньги. В Равенне он продолжал изучение литературы под руководством поэта-философа Эннодия. Он испытал влияние Вергилия, Драконтia, Пруденция, Амвросия Медиоланского. С 527 года направлен Аларихом Вторым личным послом в Константинополь. Кассиодор ему помог сделать карьеру среди придворных. Аратору присущ талант красноречия, который довольно высоко ценился среди римлян даже в период безвременья. (28, 29)

Иероним, Евсевий Софроний из Стридора (родился ок. 340 года, скончался ок. 420 года новой эры) — поэт-теолог, ритор, анахорет, аскет, ругатель, прозаик, переводчик с древнегреческого и с еврейского Тóры и Нового Завета на латынь, филолог, чей теологический конфликт между религиозными воззрениями в произведениях с литературным наследием классики Рима никогда не был изжит. С юных лет он учился в Риме у грамматика Элия Доната. В дальнейшем превратился в последователя Марии Викторина. В Риме крестился в детстве. «Христианство не удержало его в юности от пороков и увлечений, которым он предавался вместе с Руфином, ставшим впоследствии его злейшим врагом» (Издательство «Наука», Москва 1972 года, «Средневековая латинская литература Италии», И. Н. Голенищев-Кутузов, стр. 79). Написал серию риторических обвинений в адрес бывшего друга Руфина, и толпа в Константинополе Руфина в землю втоптала заживо. С 373 по 375 — годы обрёл основательные знания в греческом, углубляясь в богословие Греции. А с 375 по 378 в Халкидской пустыне после больших усилий выучил основы еврейского. Сам о себе Иероним писал: «Я — философ, ритор, грамматик и диалектик, иудей, грек и латинянин». Тору он перевёл заново, как Ветхий Завет, с древнееврейского на позднюю латынь с 390 по 404 год. Псалтырь остался в двух вариантах: в так называемом римском и галликанском. Иероним Софроний из Стридора о древнееврейском вопрошал: «Он подобен нашему Флакку или греку Пиндару, то течёт ямбом, то вещает алкейским слогом, или величаво льётся стихом сапфическим. Что прекраснее Второзакония Исáйи? Что величественнее Соломона, что совершеннее Иóва? Всё это в еврейском оригинале плавно льётся гекзаметром и пентаметром...» (66)

Изáра — река, теперь она носит имя Изёр, левый приток большой реки под названием Родán. (66)

Иннокентий Третий — римский папа, подбивавший с 1198 по 1204 год войска Европы на Третий крестовый поход, главный виновник взятия ослабленного Константинополя крестоносцами. (74)

Иоáнн Геомётр — византийский высокообразованный поэт IX века. Его творчество отображало облик идеального героя, сравнивало поступки и происходящие события с историей Византии и Европы. Его поэзия включала в себя собрание эпиграмм на исторические темы. В мире любимы четыре его гимна, «Похвала святому Пантелеймóну», парафраза «Песня песней» и многие другие вещи. Наиболее частые размеры в его стихах: двенадцатисложник, гекзаметр и элегический дистих. Он не скупился на похвалу философам и творцам Древней Эллады, но делал это с константинопольским превосходством: (30)

*Хвалитесь вашей древностью, афиняне,
Сократами, Платонами, Пирронами,
И славьте Эпикура с Аристотелем,
И тени предков, и мотивы славные,
А мудрость, та живёт в Константинополе.*

(Поэтический перевод с греческого С. Авéринцева)

Ипполит — персонаж из пьесы Еврипида «Ипполит». Прекрасный сын Тесéя не только внешне, но и внутренне, который отказал мачехе Фéдре, признавшей в любви юноше. От страха она оклеветала пасынка, и Тесей ринулся мстить. Но Ипполит сбросился со скалы. Позже от богов отец Тесей в ужасе узнал правду. (52)

Йегхудá Халевí — исторический герой еврейского народа конца XI и начала XII века, поэт, сефардский раввин в Испании периода арабской конкисты. Перу творца принадлежат множества патриотических стихотворений на иврите по романским правилам стихосложения. Поэт всю жизнь мечтал вернуться на свою историческую родину, Иудею, но был убит в скитаниях по дороге к ней. (19)

Кáйзар — одно из классических прочтений имени Цезарь. (22)

Кáссия — самая непревзойдённая и человечная поэтесса в истории поэзии Европы второй половины первого тысячелетия. Её творческое наследие считается далеко незаурядным в Византийской империи первой половины IX века. В людских душах её мысли и чувства ассоциируются с загадочной, античной поэтессой, Сапфó. Но образованность и подход к жизни ставят Кассию намного выше лесбосской дикарки. Хотя незримая общность обеих — единый поток греческой, музыкально-поэтической лирики, льющейся из души в другие души. Эта глубина Кассии наиболее ярко выражена в заступничествах перед Богом за падшую, но прозревшую блудницу, а также в «Каноне не для усопших» («Κανὼν ἀναψάσιμος ἰς κίμασιν») из девяти од, чувствуется волнение поэтессы за тех, кто должен предстать перед Богом на страшном суде в апокалипсисе. Она просила Всевышнего, как человек, помиловать их, рисуя краткими и сильными строками величие Бога, высоту и несоизмеримости ни с чем силы Владыки, Суд под трубный звон, что явится с её строк к читателям. В ярких страстных стихотворных формах ею описывается паства из всех зверей перед Гóсподом в часы страшного суда, где в стихах византийской поэтессы высота гуманизма и всечеловеческая терпимость. При всём при этом она презирает и ненавидит человеческие повседневные недостатки, что выражает в слове «Μίσο» — «Ненавижу»:

*Ненавижу доносчика на своих друзей,
ненавижу речистого не ко времени,
ненавижу того, кто всем готóв поддакивать...*

(Поэтический перевод с греческого С. Авéринцева)

Также Кáссия жаждет осудить зависть:

*Подобно змеé, растерзывающей
собственного детёныша,
зависть уничтожает завистников,
пусть из себя каждый изгонит зависть,
ибо зависть — это смерть.
Смерть от зависти — многих участь.
Ужасная зависть, скажи, кто тебя породил,
и кто уничтожит и одолеет?..*

(Поэтический перевод с греческого С. Авéринцева). (30, 31, 32)

Катилина — из рода Сэргиев, Л. Сэргиус Катилина родился в 108 году до нашей эры, считается организатором заговора, раскрытого Цицероном в 63 году до новой эры. Пал в сражении с войсками Петрэя при Пистонии в марте 62 года до новой эры. (23)

Катулл — Валерий Катулл, лирик-поэт со свободным взглядом на политику. Родился ок. 87 года до новой эры на севере, в Вероне. Умер в Риме около 54 года. (23)

Кератий — византийская серебряная монета, её стоимость в одну двадцать четвёртую номисмы. (70)

Кассандра — вещая дочь Приама и Гекубы, троянцы не поверили мрачным её пророчествам, по взятии Трои похищена Эантом (Аяксом), сыном Оилая, затем досталась Агамемнону, который ей опять же не поверил, что родная жена его убьёт у себя в доме и вместе с ним по мифологии Кассандру убивают в Микенах из-за проклятия Фиесты до семи колен. (52)

Кэсарь — в честь Гая Юлия Цэзаря — титул самодержца, тоже самое, что Кайзар и Цэзарь. (31)

Колумбан из Бангора — (533 — 615 гг. нашей эры) поэт, философ-агиограф, организовавший в Ирландии среди первобытно-варварского населения свою деятельность, как просветитель с академическими научными, теологическими и историческими знаниями раннего средневековья. С 12 учениками Колумбан начал «Великий исход» на континент учёных монахов-латинистов, продолжавшийся волнами разной интенсивности на протяжении нескольких столетий. Он — основатель в северной Италии аббатства Боббио с крупнейшей библиотекой. В его стихотворениях нередки реминисценции из Горация и Ювенала, Драконтія, Пруденция и Ювенка. (33)

Константин Первый, Великий, Флавий Валерий (ок.285 — 337 гг. н.э.) — первый римский император, который перешёл к покровительству христианской церкви с 313 года, написав Миланский эдикт о веротерпимости. Он был председателем на Первом Вселенском соборе в Риме 325 года. В 330 году решил перенести столицу империи в город Византий, который стал называться с 11 мая того года Константинополем. Константин Великий принял христианство на смертном одре. (36, 7)

Константинополь — столица Византийской империи с 330 года новой эры до завоевания турками-османами и его переименования в Стамбул в 1453 году. (19, 30, 31, 36, 71, 76)

Кроманьонцы — древние люди, жившие приблизительно сорок тысяч лет тому назад (с ориентацией на тестер по радиоактивным распадам различных веществ). Мозг этих гонителей и уничтожителей неандертальцев объёмом идентичен и даже в полушариях, предположительно, превосходит в корё современного человека. (59)

Купидон — юноша-бог, людям дарующий стрелой любовь с волшебством, как сын Венеры. (89)

Курион, Гай Скрибоний — прежде сторонник оптиматов, преданных республике, которые в период правления Первого триумвирата поддерживали Помпея в борьбе с Цэзарем, приводящей к гражданской войне. Куриона, в 50 году избранного народным трибуном, Цэзарь подкупает, уплатив его крупные долги. Чтобы скрыть переход на его сторону, Курион демонстративно выступал за то, чтобы и Цэзарь и Помпей сложили свои военные полномочия. Неожиданно сенаторы поддерживают данное предложение. При этих условиях выигрывал лишь Цэзарь, обладавший побеждённой им Галлией и своими связями с плебеями, в большинстве которые поддерживали монархию, зарождённую ещё в идеях Спартака о «добром» самодержце, понимавшем чаянья рабов и бедняков, напоминавшую о не состоявшемся императоре Спартаке, их изначальном стороннике. (24)

Лавина — по «Энеидам» Вергилия жена Энэя. (74)

Лакта́нций, Лу́ций Це́лий Фирми́ан Лакта́нций (ок. 250 — ок. 325 гг. новой эры.) — поэт-философ, богослов, историк, апологет. После крещения, с 303 года вёл монашескую жизнь в Никомэдии, прежде обучал провинциалов-греков латинскому языку. С 313 года воспитатель сына по имени Крипс Константина Первого, в будущем убитого самим отцом-императором. Гуманисты, идеализируя творческое наследие Лактанция, называют его «христианским Цицероном». (94)

Лангоба́рды — варварские племена из германцев, венедов, славян, скифов и прочих, покоривших всю северную часть византийской Италии, которые владели ею с 568 по 754 год. Они полностью уничтожили формы управления страной и юрисдикцию в Риме, и Византии на северной половине Апеннинского полуострова, но они так и не смогли создать, из-за распрей, своё стабильное государство. (57)

Лаомедонт — сын Ила, отец Приама, царь Трои. Нептун и Аполлон ему в подарок построили стену вокруг преступного города. (21, 22)

Лациум — центр Италии, расположенный между Тирренским морем и областями Этрурией и Кампанией, в сердце этой территории находится город Рим; у многих поэтов античности часто Лациум или Лаций — вся Римская империя. (24)

Лик, Ликос — поэт Древней Греции VI века до новой эры. История этого творческого деятеля вращается вокруг друзей Алкэя. (88)

Лоренцо — здесь не Лоренцо Медичи, а Лоренцо Великолепный. В его владениях Микеланджело Буонарроти провёл два года как ученик по ренессансской живописи и скульптуре. (64)

Лопе де Вега, Лопе Феликс де Вега Карнио (1562 — 1635 гг.) — классик испанской драматургии и поэзии. Он родился в семье ремесленника-золотошвэя. Несмотря на свою всеевропейскую известность, Лопе де Вега работал за маленькое жалование секретарём у разных официальных вельмож. По этой самой причине принял священнический сан в 1614 году, но это событие мало что изменило. По воле судьбы он был злейшим врагом творчества другого классика Мигеля де Сервантеса Саавадры. Автор двух тысяч стихотворных пьес, нескольких десятков поэм, новелл, романов, сонетов и стихов. (48)

Árdase Troya

*Árdase Troya, y sube el humo oscuro
Al enemigo cielo, y entre tanto
Alegre Juno mira el fuego y llanto,
¡Venganza de mujer, castigo duro!
El vulgo, aun en los templos mal seguro,
Huye, cubierto de amarillo espanto;
Corre cuajada sangre el turbio Xanto
Y viene a tierra el levantado muro.*

*Crece el incendio propio al fuego extraño;
Las empujadas máquinas cayendo
de que se ven ruinas y pedazos;
Y la dura ocasión de tanto daño,
Mientras vencido París muere ardiendo,
Del griego vencedor duerme en los brazos.*

Сгорает Трoя

Мрачно там дым поднимается, сжигают Трoю,

*Под вра́жескими небесами в победе таланта,
Во славе Юн взирал огонь очáми гиганта,
Плач — жéничины местию — кáра герою.
Простые шли в храм, слабá верность чья, я не скрою,
Жёлтого цвёта страх поэта-музыканта,
Бьёт, свернувшись, кровь у тумáнного Ксáнта
Снисходит на землю, вздымáющейсá стено́ю.*

*Сблизятся пожары в городе с огнями чужими,
Огромнейшие машины ломáя,
Они ведут к руинам в проклятьях.
И жестокой судьбóй с расправой над ними
Там, побеждённый, Парис гибнет, сгорáя,
У грека-победí теля спит в объáтьях.*

(Поэтический перевод с испанского А. Кирияцкого)

Лукрэций Кар (96 — 55 гг. до новой эры) — римский поэт, автор энциклопедической поэмы из шести глав, им не завершённого произведения из-за самоубийства, под названием «О природе вещей» (58-55 годы), где в стихах самобытный поэт описал философию Эпику́ра: о шарообразности Вселенной, о её атомном строении, о природной селекции, о бесконечности и многообразии мирóв, о том, что у энергии одна форма всегда обязательно переходит в другую. (29)

*Illud in|| his re||bus non ||est mi||rabile|| quare,
omnia ||cum re||rum pri||mordia ||sint in ||motu,
summa ta||men sum||ma vide||atur ||stare qui||ete,
praeter||quam si ||quid propi||o dat ||corpore ||motus.
Omnis en|| im lon||ge nos||tris ab||sensibus ||infra
primo||rum na||tura ja||cet; qua|| propter, ubi[propter-ub]||ipsa
cernere ||jam neque||as, mo||tus quoque ||surpere ||debent;
praesertim ||cum, quae|| possimus|| cernere,||celent
saepe ta||men mo||tus, spati||o di||ducta lo||corum.*

*Сущности в вещáх, они незримые будто,
именно тело в мире движется изначально
цельность, лишь цельность, статика да покой в ходе всяком,
кроме, них телесным дана и собственность рвенья.
Каждый из нас ведь удалён сам от совершенства,
первых разум даришь, природа; главное коли—
знать ничего не рождённо, мы зайдём внутрь себя так,
через свой разум, что нам домысливать скрытно
часто движенье стихий в нас пространств многозначных.*

(Из Второй книги «Атомная физика») (Поэтический перевод с латыни А. Кирияцкого)

Майóния (Мэония) — устаревшее, для классического периода Золотого века Августа, название Лидии, реже Энтúрии, сохранившееся в употреблении только как поэтический образ. (21, 22)

Мао Цзэ Дун — один из самых страшных тиранов XX века, генералиссимус и самодержец с неизвестной миру властью в предыдущие годы в социалистическом Китае с 1946 года, патриарх культурной революции в шестидесятые годы, он умер в 1976 году. Мао всё время лежит в пекинском мавзолее. (74)

Марий (156 — 86 гг. до новой эры) — происхождением из Керейты, победитель Югурты в 106 году до новой эры, тевтонов в 102 году и кимбров уже в 101. Назначался семь раз консулом, глава народной партии популяров, считался основным противником Суллы. (35)

Марс — как сын Юпитера, вначале бог и покровитель полей и стад крупного, а также мелкого рогатого скота, ему был посвящён весенний месяц март, впоследствии бог войны, он отождествлён с греческим Аресом. Здесь также четвёртая по счёту планета в солнечной системе. (21, 22, 34, 59, 84, 86)

Марцел, Марк Клавдий — римский консул 51 года до нашей эры, республиканец, но и сторонник консерватизма в сенате. После поддержки нарочного предложения, данного Курионом, сенаторами о сложении полномочий триумвиров Цезарю и Помпеею, в конце заседания сказал: «Вы побеждайте, чтобы получить в Цезаре деспота». (24)

Маюмский Косьма (VII-VIII века н.э.) — византийский поэт, всю жизнь пишущий в жанре канона. Современник и приёмный брат Иоана Дамаскина (автора «Песни о Варлааме и Иосафе», «Источника знаний» и прочего). Вместе с ним Косьма стал монахом лавры савваитов близ Иерусалима, позднее епископом города Маюмы вблизи Газы. (30)

Мерион — критянин, сын Мёла, по Гомеру — гнавший возницу Идоменёя при осаде Трои. (21)

Метаморфозы — здесь основное эпическое поэтическое произведение Публия Овидия Назона, созданное им с 3го по 8ой год новой эры. Это рассказы о легендарных превращениях и чудесах богов или героев. Овидий не придумал эти повествования. Но он попытался их объединить, в них вложил все силы таланта и духа. Он повествует в общем 250 метаморфоз в 14^{ти} тысячах стихах 15^{ти} книг, которые берут начало от сотворения мира и завершаются смертью Цезаря. «Метаморфозы» потребовали от Овидия многих лет работы и поисков. Источники: самые различные сюжеты из разрозненных метаморфоз Гомера, Гесиода, трагиков Греции, поэтов александрийского периода и латинян: Катюлла, Вергилия; специальные книги: Третий век до Рождества Христова: собрания из метаморфоз о крылатых героях: Орнитогония; второго века «Метаморфозы», написанные историком греком Никандром Колофанским; первого века похожее произведение Парфения Никейского; различные репертуары по традициям греко-римских школ. Хочется предположить, что не все «Метаморфозы» написаны Овидием Назоном в форме традиционного гекзаметра. (40, 50, 51, 58)

*Vix ea limitibus dissaepserat omnia certis,
cum, quae pressa diu massa latuere sub illa,
sidera coeperunt toto effervescere caelo.
Neu regio foret ulla suis animantibus orba,
astra tenent caeleste solum formaeque Deorum,
cesserunt nitidis habitandae piscibus undae,
terra feras cepit, volucres agitabilis aër.
Sanctius his animal mentisque capacius altae
deerat adhuc, et quod dominare in cetera posset.
Natus homo est: sive hunc divino semine fecit
ille opifex rerum, mundi melioris origo,
sive recens tellus, seductaque nuper ab alto*

*aethere, cognati retinebat semina caeli;
quam satus lapeto, mixtam fluvialibus undis,
finxit in efigiem moderantum cuncta Deorum.
Pronaque cum spectent animalia cetera terram,
Os homini sublima dedit, caelumque videre
jussit et erectos ad sidera tollere vultus.
Sic, modo quae fuerat rudis et sine imagine, tellus
induit ignotas hominum conversa figuras.*

*Природа границею рѣзала уверенно хаос
тем, с чем плотность бѣлась слитком, стеной под нею,
созвездьями вспыхнуло золото массой в небе.
Не пряма́я чтобы стала неким кру́гом оживленьем злых вѣпрей,
звѣзды сменяет с лошады́ми лишь обличье дневное,
затихнут к рассвету, населяясь рыбами, волны,
землю зверь засѣлит, как пернатые лёгкий воздух.
Святостью само оживление с духом незыблемой выси
до сих пор мчитсѧ, ибо над каждой силою царствовать сможет.
Рождѣн род людской, если же божеству́ семенá сеял
славный творец вселенной, святого мира нача́ло,
если ж свежей пашней и паденьем тут же с выси
эфѣира с землёй родство хранили семена неба,
огонь Прометѣя, смесь волн речных и небесных
гладит отражение, расслабляя, вместе с богами.
Ведь склонясь покорно, смотрят в землю остальные звери,
коль людская речь должнá взметнуться нѣба зреть синь
да с восторгом ввысь велѣт к созвѣздиям взор направить.
Но первых ду́ши из безгрешных прежде рождѣнны, пашня
вырастила родом, лишь вскормив, люд по образам.*

(Поэтический перевод с латыни А. Кирияцкого)

Мидяне — персы, которых так и не победил Красс, а позже также Антоний, член Второго триумvirата и последователь дел Га́я Юлия Цезаря. (24, 73)

Миф — самая ранняя форма в отображениях жизни, также жизненных восприятий действительности в фантастическом облике: богов, существ, героев, стихий. В основе его — первобытное, не расчленѣнное человеческое мышление с богатым авторским воображением при устной передаче с древности для каждого поколения, изменяясь под тяжестью времени до первой его записи как литературного памятника у каждого народа. (24)

Моисѣй — величайший иудейский пророк, который вывел евреев из Египта и через сорок лет, когда умер последний раб, показал им Землю обетованную, в будущем Иудѣи и Израѣиля, автор Танáха, Пятикнижья. (20, 62)

Микелáнджело Буонаррóти (1475 — 1564 гг.) — величайший скульптор, зодчий, живописец и поэт высокого Возрождения. Прошѣл латинскую школу во Флорѣнции. Против воли отца поступил сначала в мастерскую Домѣнико Гирляндайо, затем в художественную школу, основанную Лорѣнцо Великолепным. Там он подружился с философами-гуманистами: Днджело Полициáно, Марсилио Фичино, Пико делла Мирандола, которые приобщили юного Микеланджело к идеям Платоновской Академии. В своей поэзии он опирался на творчество Данте и Петрáрки. Поэзия

Микеланджело выростала из духовных запросов времени. Первое издание стихотворений Буонарроти вышло в свет в 1623 году с чудовищными исправлениями М. Буонарроти-младшего как редактора. Лишь в 1897 году после тщательного исследования прижизненных списков стихов Микеланджело Буонарроти свет увидел его подлинные творения. (64)

Муза — одна из девяти покровительниц искусств, каждая в античность считалась дочерью Зевса. (21, 22, 26, 29, 48, 88, 89)

Меценат Цильний — всадник и предводитель Древнего Рима из знатного этрусского рода Лукумонов, близкий друг Августа, наставник и покровитель поэтов: Вергилия, Горация и многих других. В честь него спонсоры, безвозмездно помогающие людям культуры, науки и искусства, с почётом несёт его имя. (89)

Нерон (37-68 гг. новой эры). В 54 году Тибэрий Клавдий Нерон стал императором уже полностью сформировавшейся Римской империи. До 62 года Нерон был под влияниями префекта претория, Секста Афрания Бурра и поэта-философа, драматурга, Луция Аннея Сенеки. Мать Нерона, Агрипина, из-за неуёмной жажды влиять на политику, теряет власть и положение в обществе. При сенаторах за столом Нероном был отравлен её юный сын Британик, которого она мыслила противопоставить властолюбцу. Вскоре за это к ней были принцепсом подосланы убийцы. В 62 году Бурр умер, а Сенека тихо удаляется в закрытую частную жизнь вне политики. Новый фаворит Офроний Тигеллин на посту префекта претория, потворствовал жестокостям и страстным поступкам Нерона не в пользу империи. После свадьбы монарха на Сабине начались репрессии с карами сенаторам с конфискацией имущества. В 65 году был раскрыт заговор Гая Кальпурния Пизона, который после вскрыл свои вены. Бывший воспитатель Сенека тоже покончил жизнь самоубийством, как поэт Лукан из четвёрки Первого круга ада Данте. За зрелища и раздачи плебс обожал императора. После пожара им, Нероном, учинённого, Рим был заново отстроен по его приказу. Самодержец продолжал править, но после путешествия по Греции и гражданской войны с Галлией восстали преторианцы, Нерон же с помощью друга покончил жизнь самоубийством, он, взрезав себе вены, повторял: «Какой актёр умирает...» (23)

Никифор — византийский историк, поэт и патриарх, создатель краткой истории «Бревария», написанной им в IX веке. (30)

Нимфы — второстепенные божества, женщины. Нимфы олицетворяли силы природы в зависимости от места, где по воле судьбы обитали. (58, 85)

Нирвана — подлинное бытие, затуманенное выдуманной людьми Сансарой за границей неподготовленного восприятия. (42)

Нон Понаполитанский (V век) — поэт ранней Византии, живший в Египте, инициатор реформы гекзаметра, направленной на примирение традиционной метрики с лексическими и грамматическими правилами языка, которая была усвоена целым рядом эпических поэтов. Автор поэмы о реинкарнации «Деяния Диониса», равной по объёму «Илиаде» и «Одиссее», вместе взятым. «По версии, принятой Ноном, Дионис перевоплощался трижды — как Загрэй, как Дионис и как Иакх, причём первое воплощение было одновременно перевоплощением Зевса... Всё отражается во всём: прошлое — в будущем, будущее — в прошедшем, то и другое — в настоящем, миф — в истории, история — в мифе... Поэзия Нона — поэзия косвенного обозначения и двоящегося образа, поэзия намёка и загадки... Это уже не древнее, дохристианское язычество. Это язычество — как «иноверие», инобытие христианской эпохи, её вторая, запретная возможность, её дурная совесть, но одновременно и доказательство её идейных основ от противного» (С. Авёринцев, «Поэтика ранневизантийской литературы», Москва, CODA 1997: «Мир как загадка и разгадка», стр. 152, 153, 154). Он

также автор гекзаметрического переложения Евангелия от Иоанна в стихотворную форму. (29)

Нострадамус, Мишель де Нотр Дам (1503-1566) — врач, еврейский выкrest, мистический предсказатель будущего: как ближайшего, так и на много столетий вперёд. В своих сонетах и других произведениях он предсказал почти все кошмарные исторические события, вплоть до XXI века. Пророчества и провидения в творчестве самой незаурядной личности второго тысячелетия уходят ещё на семнадцать столетий в сомнительное и потому туманное будущее. (95)

Овидий, Публий Овидий Назон (43 год до новой эры — 18 год нашей эры) — бессмертный поэт эпического жанра, входящий в тройку лучших поэтов золотого века августуской римской империи. «С 30 по 27 год вместе с братом в Риме учит мифологию и древних поэтов Рима, таких, как Эний,— на оценку. С 27 по 25 мечтает о тоге взрослого поэта в школе ритора, изучая ораторские законы и развитие любого сюжета. С 25 по 23 — путешествие в Грецию и Малую Азию с Помпеем Мацером. С 22 по 20 год допущен в кружок элитных поэтов, где связывает свою карьеру с Тибуллом и Проперцием. С 20 года по 15 на публику чтение собственных поэтических произведений, им создаваемых в ту пору: «Влюблённых» и «Гигантомахию», основа — бои богов и героев. В 15 году публикует книгу «Влюблённые» и получает звание мирового поэта Рима. В 12 году — «Медео» — трагедию до нас не сохранившуюся, в его «Героидах» образы и персонажи заимствованы у героев мифологии. В 1 году новой эры издаёт «Искусство любви». С 3 по 8 год пишет «Отблески» — поэтический календарь римских праздников и в то же время работает над композицией «Метаморфоз». В 8 году по неизвестным причинам внезапно сослан по указу Октавиана Августа на край Римской империи, В ТОМЫ (КОНСТАНЦИЯ, НА БЕРЕГУ ЧЁРНОГО МОРЯ). С 8 ПО 18 ГОД ПИШЕТ ИМПЕРАТОРУ И СВОИМ римским друзьям письма с искренними слезами и мольбой: «Скорби», «Понтики» и там, не дождавшись прощения, умирает.» (40, 50, 51, 58)

Октавий, он же *Октавиан Август* (63 год до новой эры — 14 год новой эры) — по завещанию Цезаря, он — его наследник, Гай Юлий Цезарь Октавиан. Октавий вошёл в историю как первый император в Древнем Риме с 31 года до нашей эры по 14 год новой эры, чьи годы царствования считаются золотым веком в искусстве, просвещении, науке и градостроительстве в Древнеримской империи.

*Когда Август на земле воцарился,
истребляется народов многовластие...*

(Кассия /Византия/ IX век) (Поэтический перевод с греческого С. Авёринцева) (34, 35)

Паллада, полностью Афина Паллада — здесь мифический образ греческой богини мудрости и любви. (21, 22)

Парис — лучше Парид, он и Алкесандр, сын Приама и Гекубы, судья при споре трёх богинь о яблоке, как похититель Елены, жены Менелая, непосредственный виновник Троянской войны. Его убила стрела Филоктета. (32)

Пелид — сын Пелёя, и он — Ахил, убивший на поединке Гектора. (21, 22)

Пелоп — сын фригийского царя Тантала, брат Ниобы, муж Гиподамии, как царь Элиды и Аргоса, он — отец Атрёя с Тиестом, дед Агамемнона и Менелая. В детстве наследник заколот отцом и подан в качестве угощения богам, но злодеяние Тантала было тотчас раскрыто, и Юпитер воскресил мальчика, съеденное Церерой плечо заменил плечом из слоновой кости. В возрасте он овладевает островом, который в будущем, при его жестокой политике, назовут Пелоповым. (21, 22)

Перикл (495-429 гг. до н.э.) — крупнейший из демократических деятелей политики классического периода Древних Афин. Был выбран на пост этой должности с 461 года.

Он в 462 году до новой эры, годом раньше, голосовал за реформы Эфиальта, ограничивавшие аристократов. Он многого добился для строительства Одеона, Парфенона и Пропилеи. В Афины при нём приехали жить учёные и творческие деятели, такие, как Анаксагор, Геродот, Софокл, Фидий. Он являлся всего лишь стратегом, но избирался народным собранием на эту должность 15 раз. Время его оказалось блистающей эпохой Древней Греции. (31)

Петрарка, Франческо Петрарка (1304 — 1374 гг.) итальянский лирик эпохи Возрождения, продолжавший через пятьсот лет тенденцию поэтической человечности Кассии в стихах о не принятой жизнью любви. Его отец был большим другом Данте Алигьери в изгнании. В Авиньоне, в городе, где жил римский папа, Франческо Петрарка принял сан монаха-священника, но продолжал оставаться аббатом светским. Его перу принадлежат: поэма «Африка», написанная им на латыни, повествующая о подвигах в войне с карфагенянами полководца Сципиона Африканского, и «Канцоньери» по-итальянски, книга сонетов, посвящённых идеалу, любимой Лауре, созданных в течение двадцати лет при жизни и десяти — посмертно. (33)

Платон — (427-347 гг. до н.э.) крупнейший философ античности, ученик Сократа. Родом аристократ от царя Корда. Платон — его прозвище от слова «платис» — широкий. Настоящее имя — Аристокл. После казни Сократа жил в Мигерах, путешествовал по Египту. В Сиракузах за политические распри был арестован и продан в рабство, но выкуплен друзьями-сторонниками на ярмарке рабов в Эгине в 386 году до новой эры. В священной роще, посвящённой легендарному герою Академу, основывает школу для своей философии, Платоновскую Академию. До наших лет дошли его трактаты: «Апология Сократа», 34 диалога, письма, эпиграммы. Основа его школы — выявление условных и безусловных категорий. Его задача — поиск прекрасного, идея безусловного блага, безусловной истины и вечной любви к душе человека Абсолютом — всецело единым и совершенным. (33, 87)

Принцёпс — по Тациту — Август, первым принял верховную власть с демократическим званием принцепса в республике, подобно сегодняшнему пожизненному президенту-императору. (88)

Прометей — персонаж из пьесы Эсхила «Прометей прикованный», который подарил людям огонь и научил ремеслу. Зевс кузнецу Гефесту приказал приковать Прометея к скале, а под каждое утро, воскресшему, орёл выклёвывал печень. (53)

Пурим — еврейский народный праздник, посвящённый спасению от персов, благодаря еврейке, жене тирана Ахашвероша. В память этому, как и другим событиям, зажигаются семисвечники, в честь тому, из Хануки, которому масла хватило на один день, но он не угасал — восемь. (20)

Рим, Древний Рим — столица Италии. Здесь — столица Древне-Римского раннего царства с 753 по 510 годы до новой эры, Древне-Римской республики с 510 по 31 годы до новой эры, Древне-Римской империи-принципата с 31 года до новой эры по 284 год нашей эры, с 284 по 476 год Римской империи абсолютной монархии, а также в византийской провинции вторая столица Римского дуката после Равенны с 476 года по 800 — первой коронации римским папой Львом Третьим Карла Первого, Великого как прежних императоров для города Аахена. (23, 24, 27, 29, 30, 35, 55, 57, 69, 89)

Родосский Константин — византийский поэт X века, времён правления василёвса Константина Седьмого, Багрянородного. Его стихи, обращённые к недругам, своеобразной манерностью напоминают аристофановские комедии античности. В истории он остался благодаря бессмертному классическому собственному произведению из 961 двенадцатисложника, стихотворного эксфрасиса столичной церкви святых Апостолов, где он описывал семь чудес Константинополя и мозаичные, разноцветные церковные изображения в интерьере царградского храма. (30)

Ромán Сладкопéвец (родился в конце V века — скончался ок. 560 года новой эры) — ранневизантийский поэт. Роман придал максимальное совершенство жанровой форме кóндака. По данным новооткрытого жития, был монахом, уроженцем Сирии, работал диаконом в Берите (Бейрúте), в преклонном возрасте в Константинополе. Гимны Сладкопéвца высоко ценятся, но в эпоху верховенства жанра канóна были вытеснены из церковной поэзии. Его творения мыслились как политеатральные диалоги-беседы по библейской темáтике. (36, 74)

Рóмул — потомок Энея, вместе с братом Рéмом построил на холме первые строения будущего города Рима. После он убил Рема и стал первым римским царём по летописям с 753 года до новой эры. (34)

Сансáра — мир обыденности, иллюзорно воспринимаемый органами чувств мнимой реальности, порабощённой колесом жизни. (42)

Сапфó (VII — VI века до новой эры) — древнегреческая бессмертная поэтесса родом из аристократии. Жила в Митилéне на острове Лéсбосе, затем в Сиракúзах на Сицилии, где собирáла кружок из именитых девушек, их она обучала стихосложéнию, музыке и танцам. Её стихотворные открытия посвящались им, брату, сестре Клеиде и другим. Сапфо оказалась идеалом античности. Порой её нарекали десятой Музой. Катýлл и Горáций ей строфой подражали. Она сразу отвергла посвáтавшегося к ней талантливого поэта Алкéя. Но сбросилась со скалы из-за несчастной любви к Фáону. (52, 87)

Сарацúн — араб, здесь Мухаммéd. (74)

Сату́рн — муж богини Опс, бог земледелия в древней Италии. В период эллинизации стал ассоциироваться с греческим Крóносом, а также превращаться в отца Юпитера, Юнóны, Нептúна и Плутóна. В мифах, свергнутый с небесного престола, нáчал царить в Лáции. Время царствования Сатурна считается «золотым веком» в лéтописях. В книге — планета с двумя кольцами, шестая по счёту и вторая по размерам в солнечной системе. (59, 84, 86)

Сéнека, Лу́ций Аннéй Сенека младший (ок. 4 года до н.э. — 65 год н.э.) — философ, поэт, драматург, писатель. До наших лет дошли десять трагедий из его наследия как реминисценции на темы драматургических памятников Эхила, Софóкла и Еврепида. В творчестве Сенеки доминировала патéтика в связи с мрачным временем Нерóна. (23)

Силентьярий Пáвел — ранневизантийский поэт, занимал при дворе Юстиниána должность блюстителя тишины. Его поэтическое наследие — вершина ранневизантийской эпиграмматической поэзии шестого столетия. По велению императора им были написаны две поэмы об архитектурных шедеврах века: «Описание храма святой Софии» и «Описание амвона» храма. И в этих сочинениях образная система, лексика и метрика часто соприкасаются с языческой античностью. (74)

Симмáх, Квинт Аврелий Меммий младший — сенатор, назначался на должность консула в 485 году новой эры после падения западной Римской империи, по крóви патриций, правнук язычника Симмаха старшего, тесть Боэция, казнён в 525 году по указу Теодóриха за защиту учёного поэта. (69)

Сиóн — или Циóн — одно из названий Иерусалима. (19)

Сир — понятие, подразумевающее в средневековье одного для всех: господина, сеньора, царя, в IX веке — Карла Великого, также его титул в «Песне о Ролáнде». (52)

Сирены — баснословные существа с телами птиц, а при этом голова́ми дев, жили где-то на юге Италии, по мифологии своими пениями пленяющие купцов-мореплавателей, чтобы их убить. (64)

Сокрáт (470 — 379 гг. до н.э.) — выдающийся философ, воплощение мудрости Древней Греции. Наставник Ксенофóнта, Крития, Алквиáда, Платóна, Федóна и других. За школу

против афинской демократии приговорён к казни. Кредо его существования — от природно-внешнего — поиск первоэлементов бытия. (39)

Софóкл (496 — 406 гг. до н.э.) — великий классик-драматург классического периода Афин, при этом прославившийся политический деятель. С 443 года хранитель казны Афинского морского союза, с 441 — стратег наравне с Периклом. Его наследию принадлежат 123 пьесы. Но до нашего времени дошли всего лишь семь полностью: «Аяксы», «Филоктёт», «Трахинянка», «Эдип-царь», «Эдип в Колóне», «Антигóна» и «Элэ́ктра». Остальные только во фрагментах и фразах. (32)

Стикс — озеро или река в подземном царстве. (77)

Студíт, Феóдор Студíт (759 — 826 гг. н.э.) — византийский поэт, творивший в литургическом жанре. (30)

Теодóрих (454-526 гг. н.э.) — великий король остготов, свергнувший Одоáкра, победитель в войне с болгарами, вассал византийского императора. (69)

Тидéй — сын калидонского царя Ойнéя и отец Диомéда. (21, 22)

Титáн — у Овидия в «Метаморфóзах» нечто — до бога солнца. В других случаях преимущественно бог солнца Гéлиос. Титаны — сыновья и дочери Ура́на и Гéи. Они свергли отца, но были отправлены Зéвсом (Юпитером) в Тáртар. (40)

Триумвира́т — диктатура трёх человек, подпадавшая под законы Римского права, со званьями и полномочиями диктаторов-триумвиров. В Первый триумвират входили: Помпей, Цезарь, Красс. Он существовал с 59 года по 48 год до новой эры. (34)

Траян, Цезарь Нёрва Траяну́с Августу́с (53-117 гг новой эры) — величайший император с 98 по 117 год. Его политика отмечена широкими наступательными действиями в Па́рфии, Да́кии и так далее. (73)

Тро́я — легендарный город, чей царь, Лаомедóнт, в «Илиáде» Гомера проиграл воинам Греции, отомстившим за похищенную Парисом царицу Елену. (21, 22)

Ту́сский Ти́бр — река в средней Италии, которая впадает в Тирре́нское море в Остии. (34)

Ули́сс — Одиссей, персонаж из поэтического эпоса Гомера «Одиссе́я», который через годы приплыл победителем из Трóи, через фантастические приключения, на родной остров Ита́ку. (21)

Фаэ́тон — сын бога солнца и Климе́ны, взявшийся управлять солнечной колесницей, но чуть не сжёгший Землю и убитый молнией Юпитера, а также гигантская планета, массивнее Юпитера, меж ним и Марсом, взорвавшаяся при странных обстоятельствах, по многочисленным гипотезам ряда учёных XX века, три миллиарда лет тому назад, в конце Кéмбрия, времени появления жизни на Земле, а может и 65 милл. лет тому назад, от чего умерли динозавры (50, 51, 58, 59, 84, 86)

Феб — Аполлон по греческой мифологии, сын Зéвса-Юпитера и Латóны, бог прорицания, света, поэзии, а также медицины. Здесь у Овидия в начале «Метаморфоз» в Хаóсе нечто похожее на рог в небе, из чего образовалась луна. (40)

Феодóсий Диáкон (середина X века нашей эры) — византийский поэт, возродивший военную тематику в ромéйско-греческой поэзии, оставшийся в истории благодаря образности поэмы, в 961 году написанной им, под названием «На захват Крита». (31)

*О Древний Рим! Кичиться полководцами
Не смей пред Римом новым, ты не сравнивай,
С владыкой нашим: даже Сципиóнов блеск
Померк и славу растерял извечную.*

(Поэтический перевод с греческого Л. А. Фрэйберга)

Феодора — византийская императрица, жена скончавшегося в 842 году василевса Феофила, последнего из иконоборцев. Она была согласна на смотрины невест в храме святого Стефана, что всё зло от женщин, в отличие от романтически, восторженно настроенной Кассии. После кончины совсем ещё нестарого мужа, она разрешила восстановить иконы в интерьерах дворцов и храмов Константинополя. (32)

Феофил — византийский император, коронованный в 829 году, скончавшийся в 842, вошёл в историю как самый ярый иконоборец. Жестокий самодержец до самой смерти своей держал в заключении трёх иерусалимских иконопочитателей ортодоксально-православной церкви: Михаила Пресвитера-Синкелла (761-845 гг.) и его учеников: братьев Феодора (ок. 775 — ок. 884 гг.) и поэта Феофана Песнописца (ок. 778 — 846 гг.). (31, 32)

Филимон — представитель новоаттической комедии, был родом из Киликии, также современник и соперник Менандра. (80)

Форум — здесь центр общественной жизни древнего Рима республиканского периода. В поздней империи их было четыре. Республиканский форум располагался на восточной части Капитолийского и северной Палатинского холмов, являясь честью и свободой Римской республики. (23, 24, 36)

Хаэт Вениамин Арнольдович — смотрите — *Вениамин Арнольдович Хаэт*. (9, 18)

Хинаяна — ответвление в индокитайском буддизме, предназначенном для карм и каст «избранных» с переходом из Сансары в Нирвану. (42)

Хоан Руис, архиепископ итский — скончался или перестал занимать эту должность в 1351 году новой эры, но книга под его именем датируется 1381 годом. Её творца можно назвать одним из первых эпических поэтов уже сложившегося языка Кастилии эпохи раннего Возрождения Испании. Им создана «Книга о прекрасной любви», оставшейся в самой ранней достоверной саламанской рукописи начала XV века. Она состоит из лирико-дидактических стихотворений и дидактическо-эпических поэм на историческую, психологическую и проповедническую проблематику с философскими поисками XIV столетия. (46)

*Hay aquí fábla de la constelación
e de la planéta en que los ómes nás-
çen, el del júzio que los cinco
ssábios naturales diéron en el nas-
çemiénto del fíjo del rey Alcaréz.*

*Los antiguos astrólogos dízen en la çiénçia
De la astrología úna buéna sabiéncia:
Qu' el óme, cuándo násçe, luégo en su nascénçia
El sígno en que násçe le júzgan por senténçia.
Esto diz' Tholoméo e dízelo Platón,
ótros múnchos maéstrs en éste acuérdo son:
Qual es el asçendiénte e la costellación
Del que náçe, tal es su fádo e su don.*

*Тут сказ о созвездии и о планете
под которой люди рождаются, и о
судилище, что пять настоящих
мудрецов от рождения предрекли
сыну царя Алкареса.*

*Сказ античных астрóлогов с их искусств учению
Об астрологии для знанья по звёздам к прочтению,
Чтоб, когда рождались, место знали рождению,
Знак рода всем дан с приговором к наречению.
То сказал Птолемей да молвил так Платон,
И другие познавшие с ним согласились с крон
Древа рока от предков, чтобы убрать заслон,
Знать с рожденья талант, но и порой урон.*

(Из поэмы Хоана Руиса, архиепископа итского в 32 четверостишья)

(Поэтический перевод со староиспанского А. Кирияцкого)

Хунвейбины — массовые каратели в китайской культурной революции 60^x годов XX века. (74)

Царьград или Цареград — Константинополь, позже Стамбул, на Руси. (28, 31, 32, 73)

Цезарь — см. *Гай Юлий Цезарь* или кесарь — титул самодержца со времён Октавиана (время царствования: 31 год до новой эры — 14 год нашей эры), от внучатого племянника и наследника, приёмного сына Юлия Цезаря, остальные императоры сами принимали этот титул: кайзар, цезарь или кесарь, после присваивали его своим будущим наследникам. (21, 23, 24, 30, 33, 34, 35, 73)

Цицерон, Марк Тулий Цицерон (106-43 гг. до нашей эры) — великий оратор-республиканец, ритор и адвокат. В 70 году способствовал привлечению к ответственности за злоупотребление властью наместника Сицилии, Гая Вёреса. Выступал в сенате против Сервилия Рўлла и его проекта закона, позволяющего в будущем очистить Рим от люмпен-пролетариев. Раскрыл заговор Катилины против Республики, за этот подвиг, не будучи аристократом, провозглашён консулом в 63 году, а также сенаторами назван «Отцом отечества». В 59 году ушёл в оппозицию Первому триумvirату, в 58 году обвинён Клодием и Помпеем в казни катилинариев и высылается из Рима. При Цезаре с 48 года по 44 — проконсул в провинции. А после убийства Гая Юлия Цезаря проголосовал зря за то, чтобы зачитывать народу его завещание. Идею о правлении одного человека поддержал плебс. В репрессии Второго триумvirата из-за морской болезни он не покинул Италию. Предатели уже не как «отцу», а уже «врагу отечества», ему рубят голову и привозят её в Рим как символ полной победы цезарианцев. Его имя осталось в истории как особенно выдающегося ритора, филолога, стилиста, оратора, республиканца, патриота. (23, 24, 35)

Шамбала — зона в Гималаях, защищённая магнитным полем, куда не проник даже взрыв атомной бомбы, совершённый исследователями Соединённых Штатов Америки. (95)

Шри Ауробиндо — индийский философ, мыслитель начала XX века, переосмысливающий основы бытия и структурное человеческое осознание этого мира и других миров в целом, а также живых и неживых тел. (95)

Эльдар Кайдани (1960-1995 гг.) — поэт-историк модернистского самобытного стихосложения, скончался от рака мозга у себя дома в Ташкенте, до самой смерти продолжавший, улыбаясь, работать и держать себя в руках, зная, что однозначно умирает, автор стихотворений с философским поиском смысла жизни, изданных его близкими после смерти в Казани, также ряда исторических работ по философии и искусствоведению. (45)

Эннодий (473-521 гг. новой эры) — величайший ритор, писатель и поэт византийского Рима, который пытался соединить в себе наследие Авзония и Сидония Аполлинария с христианством, как языческое божество с новой верой. Автор прозаических и

поэтических памятников, где в изобилии цитировал строки из мифов. Считался учителем Дónа Арáтора. (29)

Этику́р (341-270 гг. до н.э.) — древнегреческий философ периода распада Македонской империи. Автор 300 философских трудов: «Об атомах и пустоте», «О природе», «О цели», «О предопределённости» и прочих. Основа его учений — счастье при удовольствиях, но с избеганием зол, чтобы жизнь прожить незамеченными, не в погоне за наслаждениями, а в царстве свобод от страданий, где воля духа — атараксия — достигается независимостью от влияний внешних, что Горáций представлял совсем иначе, как роскошь и распутство. (77)

Эрида́н — в мифологии река на крайнем западе Европы. (58, 59)

Эрос — греко-римский бог горячей плотской любви. (52)

Эсхи́л (годы жизни: 525-456 гг. до новой эры) — первый трагик в истории мировой драматургии, из-за Софóкла удалившийся из Афин в Сираку́зы на Сицилию. Его перу принадлежат 90 пьес. До нашей эпохи дошли всего 79 их названий, а полностью только 7: «Персы», «Семеро против Фив», «Молящие», «Прометей прикованный», также трилoгия «Орестéя». (53).

Юлиáн — он же Юлиан Отступник, римский император с 361 по 363 год новой эры, сторонник теории Оригéна: связи христианства с философией Платона, пытавшийся понапрасну соединить новое со старым. Автор ряда философских трактатов. В чём-то ему подсознательно следовали Аврелий Августин, Кассиодóр, Эннóдий, Боэций, Венáций Фортунáт, в Византии: Нон Понаполитанский, Прокóпий Кесарийский, Юстиниан, Павел Силентьярий и прочие. (57)

Юнона — старшая дочь Сатурна и Гéи, жена Юпитера, она же Гéра, мать Марса, Вулкана и Гéбы. Потому статую, для неё вылепленную в эпоху античности, но стоявшую до 1204 года на середине площади вроде бы христианского Константинополя, крестоносцы рубили с безумным остервенением. (30)

Юпи́тер — сын Сатурна и Гéи, громовёржец, царь богов и людей, а также самая большая планета в солнечной системе, пятая по счёту. (59, 84, 86)

Юстиниáн (482 — 565 гг. н.э.) — величайший император Восточно-римской (Византийской) империи с 527 по 565 год, чьё долголетнее правление — «золотой век» в византийском градостроительстве, развитии литературы, кодификации римского права и патриотической государственности. Его полководцы усмирили восставших в Персии, Сирии и Египте, покорили всю северную Африку, часть Испании, Галлии и всю Италию при грандиозной попытке вернуть остальные земли варваризированной западной провинции уже не существовавшей, посрамлённой Римской империи. (30, 74)

Юстиниáнское градостро́ительство — бессмертный образ из памятника «О постройках Юстиниана» — исторический труд современника Прокóпия Кесарийского, предназначенный для читателя с образованием, написанный в 50 годы VI столетия, повествовавший о восстановлении монастыря Хóра из тёмно-красного кирпича, красочно описывается там интерьер шедевра Храма святой Софии и так далее. (30)

Бóльшая часть примечания составлена автором по научным и творческим трудам И. Н. Голенищева-Кугузова и академика, переводчика и поэта С. С. Авéринцева.

Список художественных иллюстраций к стихам настоящей книги:

Обложка и /1 и 2, 199 и 200

компьютерные рисунки (*Ольга Аникина**) / 68, 100

Вениамин Арнольдович Хаэт (*фотография*) /17

Иерусалим, Стена плача (*фотография*) /19

Макет ипподрома Древнего Рима, 80/800 метрам / 21

Макет Коллизея в одном из центральных районов Древнего Рима / 22

Макет Капитолийско-палатинского форума в Древнем Риме / 24

*(Museo «Civilita romana», Музей «Римская цивилизация»,
Рим, столица современной Италии)*

Воображаемый взрыв гигантской, легендарной планеты Фазэтон / 58

(Компьютерный коллаж Артёма Милохова)

Макет одного из центральных районов Древнего Рима
периода жизни Квинта Горация Флакка / 88

*(Museo «Civilita romana», Музей «Римская цивилизация»,
Рим, столица современной Италии)*

EXIT

